

«ДО ГОТОВОЇ КОЛОДИ ДОБРЕ ВОГОНЬ ПІДКЛАДАТИ»

Маргарита ВАРШАВСЬКА, Лариса ФЕДОРОВА

Закінчуючи українським прислів'ям, винесеним у заголовок нашої статті, післямову до збірника «Старосветский Бандуриста» (М., 1860—1861), М.В. Закревський не тільки відповів своїм майбутнім критикам, а й немовби визначив ним власне місце у тогочасній науці. Ці слова — також своєрідний епіграф до всієї творчої спадщини дослідника, фанатично відданого Україні. Крім згаданого збірника, М.В. Закревський видав книгу «Описание Киева» (М., 1868: В 2-х томах), завдяки якій назавжди увійшов у історію краєзнавства, етнології та фольклористики. Вважаючи свої праці лише «посильною лептою» у загальну справу, він до кінця намагався їх доповнити й удосконалити, однак побачити перевидання книг йому не судилося.

У бібліотеці Національного музею історії України зберігається авторський примірник «Описания Киева» з численними власноручними правками і додатками. Під двома вклеєними фотопортретами зворушливий підпис: «Киянин Микола Васильович Закревський». Тільки третину з 66 років життя дослідник мешкав у Києві, проте місто, яке він називає у передмові до книги «священним», «колискою освіти для нащадків слов'ян», «другими Афінами», завжди було його провідною зіркою. Спробуємо реконструювати життєвий і творчий шлях М.В. Закревського, використавши серед інших джерел ним самим написані автобіографії. Одна з них опублікована в «Описании Киева»¹, другий її варіант — «Нарис життя автора» оприлюднив у 1911 р. Д.І. Яворницький².

*Кієвлянин
Миколай Васильович
Закревський.*

М.В. Закревський

Микола Васильович Закревський народився 9 червня 1805 р. у Києві на Подолі, де батьки мали власний будинок неподалік від Флорівського монастиря. Жажлива пожежа 1811 р. винищила майже весь Поділ, не пощадила вона і їхню оселю. Згодом батько помер. Син з матір'ю залишилися у бідності. З квітня 1820 р. навчався у Вищій гімназії, що відкрилась у січні 1812 р. у Кловському палаці на Печерську. Вже з 16 років змушений був заробляти гроші на життя собі і матері уроками і репетиціями з товаришами. Постановка навчання у гімназії не могла задовольнити допитливого юнака. Доповнюючи свою книгу у похилому віці, він характеризує педагогічний процес таким чином: «Здесь кстати из наших воспоминаний присоединить несколько слов о состоянии этой Высшей гимназии в начале ее учреждения. Нынешние средние учебные заведения относительно управления, преподавания и надзора за учащимися имеют еще многие и существенные недостатки, но они отличаются гораздо большим прогрессом в сравнении с тем состоянием, в котором эти учи-

лица находились в начале текущего столетия, т. е. вскоре по учреждении своем. Киевская гимназия, состоявшая тогда собственно из шести классов, была как бы продолжением трехклассного уездного училища. Для каждого урока назначалось по два часа, поутру от 8 до 12-ти часов было два урока, а после обеда от 2 до 4-х один урок. Инспекторов тогда не полагалось по штату, следовательно надзора за исправным преподаванием и за приходящими учениками не было никакого. Директоры показывались только для соблюдения служебного порядка. Преподавание велось по произволу; учителя приходили в класс когда хотели и преподавали по своему усмотрению и умению, без программы и без контроля. Наставники не спешили на уроки, сокращая это время наполовину. Между этим, до прихода учителей, ученики обыкновенно производили шалости, шум и драку, нередко составляли кулачный бой, выходили класс на класс или потешались состязанием единоборцев. Появление учителя прекращало шум. Но слабые характером наставники обыкновенно были в классе мучениками шалостей и дерзостей учеников. Учителя с энергиею расправлялись с шалунами по своему. Поставить разом десяток ленивых и непослушных в угол или на колени было не редкость; для лучшего внушения морали употреблялись линейка и прут, а в азарте внушение подкреплялось даже пощечиною. Преподавание свое многие учителя начинали словами: говори урок, который все ученики по порядку большею частию прочитывали по тетрадке, потому что учителя в это время, собравшись по два или по три, прохаживались по зале. Потом одним из учеников производилась диктовка, являлся учитель и задавал урок отсюда и посюда; тем преподавание и оканчивалось. Механическое заучивание математических формул из Конических Сечений, Сферической Тригонометрии, Дифференциального и Интегрального исчисления, без всякого объяснения, как эти формулы образовались — все это производило только отвращение в учениках к математике. В последних классах едва знали первоначальные грамматические правила латинского, немецкого и французского языков, а по-гречески с трудом разбирали азбуку. Гимназисты, поступившие потом в университет, должны были снова начинать ученье, чтобы с успехом пользоваться преподаванием профессоров. Теперь можно себе представить весь вред и невозвратную потерю времени, коим подвергались бедные дети от описанного выше образа преподавания. Если и были исключения, потому что некоторые учителя понимали свое дело и относились добросовестно, то крайне малое число этих тружеников не могло иметь большого влияния на общий ход преподавания. Этим объясняется и та малочисленность учеников в гимназии, которая продолжалась до времени ее преобразования. Публика понимала это печальное положение училища и только крайность заставляла отдавать детей в подобное заведение. Так было и в других гимназиях (См.: Харьк. губ. вед. 1870 г. № 33)».

Здається, саме нужда примусила М.В. Закревського прислухатися до поради директора гімназії і за півроку до закінчення навчання, у листопаді 1824 р., посісти посаду помічника губернського архітектора К. Вейцлера у Житомирі. Не останню роль, очевидно, відіграли захоплення архітектурою і сподівання здобути професійні навички. Однак невдовзі, коли з'ясувалося, що не може працювати з людиною, яку не поважає, знову постала проблема вибору. У травні 1825 р. Микола Васильович їде шукати місця до столиці. Три роки перебування у Петербурзі були важким випробуванням. Він давав приватні уроки, переписував папери у присутствених місцях, не отримуючи платню. Напевно, сподівався виправити свідоцтво, в якому магістратський секретар у Києві допустився помилки, і це унеможливило отримання посади. «Весь цей час був для мене змарнований», — напише він пізніше. Разом з тим, тривале перебування в умовах крайньої злиденності цілком імовірно підштовхнуло до висновку про необхідність здобуття професійної освіти. У лютому 1828 р. Закревський повер-

тається до Києва, закінчує гімназію і у грудні 1829 р. поступає на юридичний факультет Дерптського (нині Тартуський — в Естонії) університету. І знову нестача засобів для життя примусила покинути навчання. У червні 1831 р. він вже працює учителем російської мови у повітовому училищі м. Вайсенштейн Естляндської губернії, звідки на заохоту 1 січня 1834 р. переведений учителем російської мови, історії і географії губернської гімназії у м. Ревелі. Через 16 років, у вересні 1847 р., дослужившись до чину надворного радника, за власним проханням пішов у відставку з невеликою пенсією — всього у третину платні. Що спонукало до такого вчинку? Певну відповідь знаходимо в автобіографії: «Через неприхильність остзейських жителів до усього російського, служба російських учителів там важка й обтяжлива»³. Вірогідно, була й інша причина. Через два тижні по виході у відставку Закревський з дружиною їде у Петербург тільки для того, щоб вивчити матеріали експедиції 1810 р. до Києва, в якій брали участь К.М. Бороздин, О.І. Єрмолаєв і Д.І. Іванов. Описи, креслення і малюнки київських пам'яток, зокрема копії мозаїк Софійського собору, вони передали у Публічну бібліотеку. Там же зберігалося і відоме Остромирово Євангеліє, яке мріяв подивитися дослідник. Так, саме наукові інтереси взяли верх над усім. Вже друге десятиліття М.В. Закревський ретельно вивчав історію Києва, збирав і копіював необхідні матеріали, тому виїзд із Естляндії був, безумовно, продиктований прагненням бути ближчим до джерел і наукових кіл. Через місяць він прибув до Москви, оскільки попечитель Московського навчального округу Д.П. Голохвастов пообіцяв місце учителя гімназії у Рязані. Чекати довелося півтора року. З квітня 1849 р. до квітня 1850 р. Закревський працював наглядачем при пансіоні Рязанської гімназії, що його зовсім не влаштовувало. Зі смертю покровителя розраховувати на отримання учительської посади не доводилося. Він повертається до Москви, а у травні 1850 р. приїздить до Петербурга. Тут у 45-річному віці декілька місяців навчається у рисувальному та архітектурному класах Академії мистецтв. «... Я хотів удовлетворить свои страсти в архитектуре, — пише він у життєпису, — которую питал с самых юных лет, и остаток жизни намеревался посвятить сему искусству; но и это желание мое не имело успеха»⁴. Причина тривіальна — страшенно дороге столичне життя було не по кишені. У грудні 1850 р. Закревські повертаються до Ревеля, де через три роки у них з'явився нарешті власний будинок. Життя стабілізувалось, була можливість спокійно займатися улюбленою науковою працею, малюванням і музикою. Микола Васильович полюбляв гру на скрипці, брав участь у благодійних концертах, нерідко виконуючи першу партію.

У жовтні 1859 р. трапилося велике горе — померла дружина, з якою було прожито 23 надзвичайно щасливі роки. Дітей не було. Єдиним сенсом життя поставала наукова робота, тому Закревський вирішив покинути Ревель. Ми не можемо впевнено стверджувати, які саме чинники вплинули на вибір місцем проживання Москви, а не Києва, куди він мріяв переселитися. Припустимо, що вибір був зумовлений втратою зв'язків з батьківщиною, а коло знайомих, в яких він знайшов матеріальну і моральну підтримку своїм творчим прагненням, було зосереджено у Москві. Тут М.В. Закревський прожив останні 12 років життя, тут побачили світ його книги, тут він помер 29 липня 1871 р.

Ще з юних років він був захоплений ідеєю написати якомога повнішу історію рідного Києва. Поштовхом до цього стала праця М.Ф. Берлінського «Краткое описание города Киева», видана у Петербурзі 1820 р. Фактично це була перша наукова спроба систематизації історії міста і характеристики його найважливіших історико-культурних пам'яток. Для того, щоб краще уявити місце і значення М.В. Закревського у галузі киевознавства, слід хоча б коротко охарактеризувати здобутки цієї галузі науки у першій половині XIX ст.

Розвиток історичної науки, археології, відкриття університетів, у тому числі Київського у 1834 р., що набули відразу значення наукових центрів, діяльність окремих учених, місцевої інтелігенції, перших наукових товариств сприяли становленню історичного краєзнавства. Швидкі темпи урбанізації як наслідок промислових революцій, викликали суспільний інтерес до міста як осередку матеріальних і духовних цінностей, до його історії і ролі у житті суспільства. Радикальна реконструкція історичних міст у ХІХ ст. супроводжувалася численними знахідками старожитностей й одночасно втратами пам'яток, що зумовило інтерес до їх вивчення і рух за збереження. До цього слід додати і такий важливий фактор, як культурно-національний рух у Європі, що набув особливого загострення в Україні внаслідок загрози втрати національної самобутності українського народу через розподіл країни поміж Російською і Австрійською імперіями і ліквідації Гетьманщини наприкінці ХVІІІ ст. Зростає загальний інтерес до історії, мови, фольклору, традицій народу. Київ, стародавня столиця українців, став об'єктом активних краєзнавчих студій, які царський уряд намагався спрямувати у русло офіційної великодержавної доктрини «трьох столиць». Згідно з нею Москву, Петербург і Київ було проголошено уособленням відповідно народності, самодержавства і православ'я. Зауважимо, що не уникнув ідеологічного тиску і свідомий українець М.В. Закревський. У передмові до «Описания Киева», наприклад, він називає місто «кращим діамантом у короні наших Государів», а у збірнику «Старосветский Бандуриста» визначає українську мову як «малороссийское наречие» і не бачає перспектив її подальшого розвитку. Свідомо чи ні, але ж цілком об'єктивно автори перших українознавчих студій у різних галузях науки накопичували матеріал, що доводив автентичність пам'яток старовини українського народу, тобто їх своєрідність, неповторність і значущість для розвитку культури багатьох слов'янських народів, у тому числі російського. Власне, офіційна доктрина прислужилася розгортанню досліджень Києва. Ще наприкінці ХVІІІ ст. за наказом царського уряду почали збирати інформацію про київські старожитності, але за браком достовірних відомостей це викликало значні труднощі. Перші описи київських пам'яток було опубліковано у книгах «Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предприняемое в 1787 г.» (1786 р.) і «Достопамятнейшие древности Киева» (1795 р.). Тому поява у 1820 р. книги М.Ф. Берлінського «Краткое описание города Киева, содержащее историческую перечень сего города», побудованої не лише на письмових, а й на археологічних джерелах, була справжньою подією і поклала початок киевознавству. У 1844 р. він опублікував частково в альманасі «Молодик» «Историческое обозрение Малороссии и города Киева». На жаль, і досі не видана його «Пространная история города Киева с топографическим его описанием, собранная из разных киевских книгохранилищ и исторических рукописей», яка могла б певною мірою змінити шлях киевознавчих студій. У 1820-х рр. з'явилися перші ґрунтовні історико-топографічні описи найвідоміших київських пам'яток — Софійського собору і Києво-Печерської Лаври, зроблені митрополитом Є. Болховітіновим. Він же підсумував і опублікував результати археологічних досліджень К.А. Лохвицького в історичній частині міста тощо. У 1835 р. було засновано перше наукове товариство у Києві — Тимчасовий комітет для дослідження старожитностей у Києві, з ініціативи якого виник Музей старожитностей при університеті. Лише за збігом обставин М.В. Закревський не очолив цей музей через кілька десятків років.

Значне місце у розвитку киевознавства посідають праці ученого-енциклопедиста, першого ректора Київського університету М.О. Максимовича. Заснований ним літературно-історичний альманах «Киевлянин» (1840, 1841, 1850 рр.) представив цілу низку творів з історії міста, у тому числі свого фундатора. Серед них істо-

рико-топографічна праця «Обозрение старого Киева», «Выдубицкий монастырь», «Родословные записки киевлянина» та інші, декілька його статей опублікували «Киевские епархиальные ведомости», інші періодичні видання. Серед видань того часу відзначимо також «Обозрение Киева в отношении к древностям» 1847 р., «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии» 1848 р., «Статистическое описание Киевской губернии» 1852 р., видані за сприянням Київського цивільного губернатора І.І. Фундукля, який залучив до їх написання відомих фахівців, зокрема М.О. Максимовича, Д.П. Журавського. Величезну роль у збиранні, вивченні та публікації джерел, у тому числі з історії, економіки, географії, статистики Києва, відіграла організована у 1843 р. Тимчасова комісія для розгляду давніх актів. Її фундаментальні видання «Архив Юго-Западной России», «Акты, относящиеся к истории Западной России», «Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов» також були використані М.В. Закревським при підготовці своєї книги.

Матеріали з історії Києва дослідник почав збирати ще під час навчання у Дерптському університеті, який мав багату бібліотеку. Нерідко відмовляючи собі у необхідному, виписував книги, періодичні видання, копіював малюнки — краєвиди і пам'ятки міста. Перша книга «Очерк истории города Киева», невелика за обсягом — всього 68 сторінок, вийшла в Ревелі 1836 року. Вона залишилась майже непоміченою у науковому світі. Протягом 10 років її автор не втомно поповнює свої знання, збирає, систематизує і обробляє усі доступні йому джерела. Не маючи коштів на видання, він передає перероблений твір (а це 150 аркушів рукопису й понад 100 власноручних малюнків) до Публічної бібліотеки у Петербурзі. Протягом 2,5 років доповнив і вніс зміни до копії і у травні 1848 р. передав працю відомому славісту, професору Московського університету, секретарю Товариства історії та старожитностей російських та редактору його «Чтений» О.М. Бодянському. Сам родом з України, він приділяв особливу увагу публікації українських пам'яток. Вже у червні почали друкувати опис Києва М.В. Закревського, але встигли видати тільки половину. За публікацію у журналі перекладу твору англійського посла у Москві Д. Флетчера «О государстве русском» 1591 р., в якому цар Микола I побачив зневажливе ставлення до імператора та церкви, М.О. Бодянського усунули з посади редактора, а журнал закрили. Ще 10 років твір Закревського чекав видання. Однак О.М. Бодянський не забув про нього. У 1857 р. Осипа Максимовича знов обирають секретарем товариства і редактором журналу⁵, а наступного року — у травні 1858 р. «Летопись и описание города Киева» М.В. Закревського було опубліковано. За цей твір автор у серпні 1859 р. був удостоєний звання дійсного члена товариства, що було найвищою оцінкою довгоочікуваної книги. Проте й ця величезна за обсягом праця — 950 сторінок, вже не задовольняла дослідника, оскільки накопичилося багато нового матеріалу, який він старанно збирав упродовж усіх цих років. У травні 1863 р. Закревський навіть влаштувався працювати у Московський публічний музей помічником бібліотекаря, не тільки щоб заробити гроші, а й маючи на увазі подальшу доробку свого твору. Його захоплює й активне науково-громадське життя Москви. У 1863 р. він був одним із засновників Товариства давньоруського мистецтва, багато зусиль доклав до його розбудови, залучення нових членів.

Влітку 1864 р. після 35-річної розлуки М.В. Закревський приїхав у Київ. «Не станем упоминать о чувствах, с какими мы вступили на родную землю, — писал він, — чувства эти не ложатся на бумагу»⁶. За мету поїздки було поставлено на місці оглянути київські пам'ятки, зробити малюнки мозаїк і фресок, поспілкуватись з київськими дослідниками. Здається, не останньою була надія знайти можливість повернутися на рідну землю, яка ледве не здійснилась. У Києві відбулося

особисте знайомство і зав'язалися дружні стосунки з протоієреєм Софійського собору П.Г. Лебединцевим — редактором «Киевских епархиальных ведомостей», істориком, автором багатьох праць, зокрема про історичну топографію, храми Києва, а також з М.Д. Іванишевим — ректором Київського університету, відомим істориком права, одним із засновників Тимчасової комісії для розгляду давніх актів і головним редактором її видань. Обговорювалась ідея настановити М.В. Закревського на посаду хранителя Музею старожитностей при університеті⁷. Однак згодом цю посаду було скасовано, а обов'язки хранителя покладено на одного з професорів. Крім того, на початку 1865 р. М.Д. Іванишева було переведено у Варшаву. У листі до П.Г. Лебединцева від 1 грудня 1864 р. Закревський пояснює, що заважає його переїзду у Київ: «Положа руку на серце, говорю вам откровенно, что хотя любовь моя к родине очень и очень велика и что она-то, собственно, причиною, что, без всякого вознаграждения, следовательно безкорыстно, с 1831 года повятил всю последнюю половину жизни своей изучению Киева и желаю написать ее, насколько уменья хватит: но материальные средства, по расчетам холодного ума, должны стоять не на последнем месте. *Ubi panis, ubi patria*; иначе я не мог бы прилично существовать и притом своими же средствами издать преднамеряемое Описание Киева; потому что не имею надежды на помощь ниоткуда. А потому на перемещение мое в Киев я смотрю таким образом: если я получу там место с приличным вознаграждением, то это было бы для меня в высшей степени приятно; если же это не удастся, то обстоятельство это несколько не повергнет меня в отчаяние, по следующим причинам: 1-е, с будущего года наш штат при Московском Музеуме (утвержденный первоначально на три года в виде опыта) подвергнется большой переделке 8, и оклады наши положено увеличить (на сколько? — это один Аллах ведает). 2) Мне остается выслужить до полного пансиона 3 1/2 года; следовательно, прерывать теперь службу без всяких уважительных причин было бы как-то странно. 3) В это время — если Богу угодно — я могу напечатать свое второе издание Описания Киева здесь же, в Москве, и притом тем удобнее, что литографии московские, — между ними есть отличные, — стоят несравненно на высшей степени совершенства, чем киевские и, по причине конкуренции, гораздо дешевле. Не поскучайте, почтеннейший о. протоиерей! Всем этим балластом я осмелился утруждать внимание ваше для того только, чтобы показать вам, что перемещение мое в Киев далеко не составляет исключительную цель моего знакомства с вами и моих писем, но что личные ваши качества составляют главную, и скажу смело, единственную причину моей привязанности и признательности к вам...»⁹

За рекомендацією М.В. Закревського у члени Товариства давньоруського мистецтва були прийняті у 1865 р. П.Г. Лебединцев, М.Д. Іванишев та священник церкви Різдва Богородиці на Подолі О. Желтоножський¹⁰. Останній відомий тим, що протягом 10 років відновлював фрески XI ст. Софійського собору, відкриті у 1843 р. академіком Ф.Г. Солнцевим, а також розписи церкви Спаса на Берестові. Однак діяльність товариства згодом викликала гірке розчарування, оскільки була далекою від справжньої науки. З 1864 р. Микола Васильович бере участь у роботі заснованого того ж року Московського археологічного товариства. Його голова — граф О.С. Уваров, відомий археолог, який досліджував серед інших і античні пам'ятки півдня України, зацікавився працею Закревського про Київ. На засіданні товариства 7 грудня 1865 р., доповівши про закінчення доопрацювання опису Києва, О.С. Уваров зокрема сказав: «Это сочинение рассмотрено многими знатоками отечественных древностей, которые его считают самым полным и добросовестным из всех доселе вышедших сочинений об этом предмете. Оно должно сопровождаться атласом рисунков. [...] Лицо, желаящее остаться неизвестным, сочувствуя цели и деятельности Московского ар-

хеологического общества, изъявило желание взять на себя издержки печатного сочинения, а потому ныне и приступило к печатанию его в типографии Грачева и К°, а на заглавии сочинения г. Закревского будет напечатано: Издание Московского археологического общества»¹¹.

Цим «невідомим» був О.С. Уваров, який також субсидіював поїздку Закревського у травні 1866 р. до Петербурга для вивчення матеріалів у Публічній бібліотеці та Археологічній комісії. Невтомний автор продовжував поповнювати джерельну базу свого дослідження, у чому також переконує його записка «Издаваемое Описание Киева», оприлюднена на засіданні товариства 22 лютого 1866 року. В ній окреслено коло проблем, які необхідно було вирішити: мати копії фресок церкви Спаса на Берестові, розчищених О. Желтоножським, мозаїк Софіївського собору, зроблених у 1810 р. художником Д.І. Івановим і переданих у Публічну бібліотеку; планів Києва, що збереглися у Київському губернському правлінні і Миській Думі, насамперед XVIII ст. Без них він не міг вказати місцезнаходження багатьох урочищ, про які знав від старожилів, і церков, що загнинули у пожежі 1811 року. Серед останніх — Святодухівська, Василівська, Вознесенська, Спаська. Особливий інтерес становили матеріали Археологічної комісії, до якої було наказано передавати із присутствених місць документи. В їх числі було 325 джерел, переданих Київською духовною академією і з архіву Київської казенної палати. Тільки 76 з них були опубліковані в працях Тимчасової комісії для розгляду давніх актів у Києві. Закревський зазначає: «... Между тем иногда встретившееся название какой-либо местности открывает исторический факт, бывший дотоле неизвестным. Например, местность, на которой выстроен теперь университет в Киеве, издавна называлась Панковщина. Не будь напечатана грамота, никак нельзя догадаться, что в 1516 г. марта 17-го, 1562 г. октября 18-го, 1577 г. июля 6-го, был Софийским наместником Василий Панкович, который овладел этим местом, принадлежавшим Софийской кафедре, без ведома митрополита продал его, чем причинил тяжбу и даже нареkania в народе. Таких примеров довольно. Красница, Кудрявец, Лукьяновка, Юрковица, Сырец, Уваров великий и проч. и проч. ...Следовательно, упоминаемые 249 актов, которые не изданы, подлежат еще тщательному рассмотрению»¹².

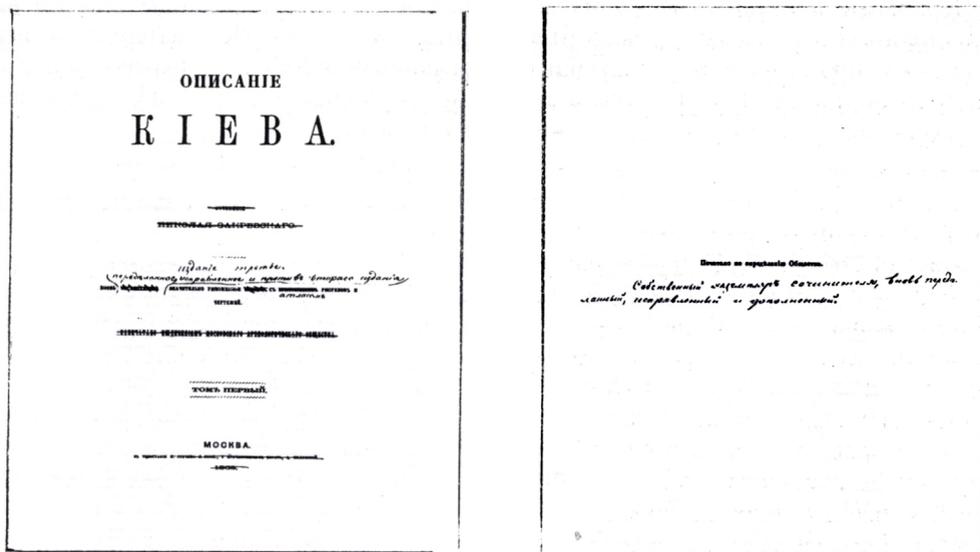
У 1868 р. фундаментальна праця «Описание Киева» М.В. Закревського була опублікована. Вона складається з передмов до першого і другого видань, двох основних частин: «Летопись города Киева» і «Описание Киева», 13 додатків (усього 949 сторінок), а також окремого альбому малюнків та креслень на 13 великих аркушах. У першій частині охарактеризовано природу, клімат, географічне положення, населення міста, викладено його історію від найдавніших часів до середини XIX ст. Найбільшу цінність має друга частина книги, в якій автор вперше узагальнив відомості про історичні місцевості Києва, видатні споруди, пам'ятки і зв'язані з ними події. Побудована книга постатейно, як енциклопедично-довідкове видання. У додатках наведено списки київських митрополитів, намісників і архимандритів Києво-Печерського монастиря, настоятелів Михайлівського та ігуменів Межигірського монастирів, ректорів академії, правителів Києва (литовських намісників, польських і російських воевод, генерал-губернаторів, цивільних губернаторів, войтів, комендантів тощо). Надруковано тексти кількох документів. Список використаних джерел складається з 119 номерів, в кожному з яких не тільки названо, а й прокоментовано декілька книг, статей, інших матеріалів. Малюнки, зроблені власноручно автором, представляють зображення фресок і мозаїк Софіївського собору, церков Спаса на Берестові і Десятинної, давньоруських ювелірних виробів тощо. П'ять карт дають уявлення про Київ різних часів: X ст., 988—1240, 1400—1600, 1700—1800 рр., узагальнюють їх

плани 1240, 1800 та 1864 рр. Визначний історик Києва В.І. Щербина, аналізуючи плани міста, опубліковані М.Ф. Берлінським, М.В. Закревським, М.О. Максимовичем, писав, що всі вони «мають свою вартість, бо їх зроблено на підставі вивчення з боку дослідників історії міста та останків старовини, що зберігалися ще за їх часів, і що нині вже не існують; але все ж вони не можуть заступити тодішніх планів, що їх було б зроблено за відповідних діб життя міста»¹³.

Автор добре розумів, що його твір не досконалий. Про це свідчить передмова до видання, в якій він зауважує, що «знаходити недоліки досить легко, але важко працювати», закінчуючи її так: «... не кляніте, но благословите!» До того ж відомо, як пильно він стежив за новинками у галузі киевознавства, продовжував обробляти документальні джерела вже у той час, коли книга набиралась у друкарні. Вихід «Описания Киева» був значною подією в історіографії міста. Схвильовано зустрів її один з найосвіченіших знавців міста М.О. Максимович. В одному з листів до історика, академіка Російської АН М.П. Погодина він написав: «Какой дорогой подарок для Киева сделан в Москве к новому 1868 году! ...Честь и хвала графу А.С. Уварову и всему Московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивения на издание этой обширной книги. Хвала трудолюбивому уроженцу киевскому, так усердно и долго работавшему над описанием древней матери городов русских! Полнотою содержания оно превосходит все бывшие доселе описания и обозрения Киева: это, можно сказать, запасный магазин всяких известий, сведений, мнений и соображений древних и новых, о богохранимом городе»¹⁴. Віддав належне виданню і такий видатний історик, як М.І. Костомаров, який того ж року відгукнувся схвальною рецензією у поважному журналі «Вестник Европы»¹⁵. Твір М.В. Закревського був удостоєний Уваровської премії, а ім'я автора з тих пір включене до усіх відомих енциклопедичних видань. Наприклад, словник видавництва «Брокгауз — Ефрон» оцінює книгу як кращу у своїй ділянці, хоча, за думкою автора статті, «в общем исторические взгляды Закревского не шли глубже Карамзина, часто неточны или совсем ошибочны, и из массы приводимых им отдельных фактов и указаний он не создает цельной последовательной картины»¹⁶. «Русский биографический словарь» 1916 р., підкресливши багатство фактичного матеріалу «Описания Киева», зазначає, що воно на той час вже являло собою бібліографічну рідкість¹⁷.

З моменту виходу книги і до сьогодні вона знаходиться у центрі уваги дослідників Києва. З часом багато її положень спростовано або уточнено, навколо деяких і досі точаться суперечки. Той же М.О. Максимович відразу ж відгукнувся і критичними зауваженнями стосовно деяких тверджень М.В. Закревського. Так, у своїй статті «Объяснительные параграфы о Кiever» він заперечує відомості щодо історії, датування, місцезрештування таких київських пам'яток, як Трисвятительська, Воздвиженська, Іоаннівська, Симеонівська церкви, Турова божниці, Миколаївська брама, київський замок та ін.¹⁸ Проте не будемо забувати, що книга М.В. Закревського була першою синтетичною працею з історії Києва, насамперед його пам'яток. Віддзеркалюючи ступінь вивчення предмета, вона не могла бути позбавленою помилок. Розроблена автором структура видання, його методологічні засади стали зразком для багатьох аналогічних праць. Досить згадати «Киев теперь и прежде» М.М. Вашенка-Захарченка (К., 1888), «Киев: Путеводитель» К.В. Шероцького (К., 1917), «Київ: Путівник» за редакцією Ф. Ернста (К., 1930). Відмітною рисою книги М.В. Закревського на протигагу усім популярним путівникам є те, що автор намагається дати історіографічний огляд і аналіз більшості висунутих положень і тверджень, тобто він робить висновки, описи пам'яток і подій на основі досягнень тогочасної

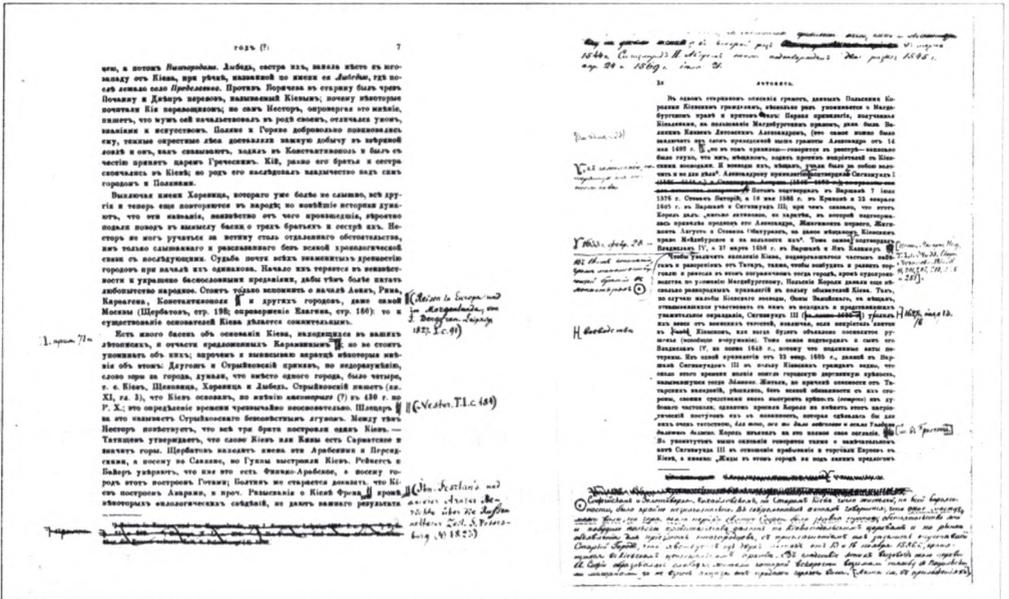
науки або спираючись на доступні йому джерела. Автор постійно уточнював і знаходив нові дані, доповнював твір, мріяв про нове видання. Найкращим доказом служить авторський примірник книги.

«Описание Киева» М.В. Закревського. Титульні сторінки з авторськими правками

Історію його надходження до Національного музею історії України встановити, на жаль, неможливо, оскільки перші інвентарні книги, акти передачі літератури до бібліотеки не збереглися. Вона зареєстрована у 1948 р. під № 9838 без будь-яких супровідних даних. Книга являє собою конволют (як правило, зустрічається у 2-х томах) в обкладинці світлого кольору з аркушами різного розміру і широкими полями, тобто не обрізаними під формат. На титульній сторінці автором власноручно написано: «Издание третье, вновь переделанное, исправленное и против второго издания значительно умноженное с атласом рисунков и чертежей», на звороті: «Собственный экземпляр сочинителя, вновь переделанный, исправленный и дополненный». Фотопортрет автора з «Описанием Киева» в руках датований ним 16 жовтня 1867 р., передмова — 15 грудня 1869 року. М.В. Закревський пише, що ретельно перевірів усі зауваження, висловлені до попереднього видання, виправив помилки, залишивши поза увагою ті критичні висловлювання, які на його погляд недостатньо обґрунтовані. У зв'язку з тим, що атлас і додатки до книги не збереглися, ми не можемо впевнено стверджувати слідом за автором про збільшення твору на третину. Примірник має величезну кількість виправлень, на полях сторінок і вклеєних аркушах красивим, чітким почерком вписано безліч нового тексту. Доповнення і зміни різноманітні за характером. Наприклад, значною мірою збільшений розділ «Стан міста» у давньоруську добу, структурно розподілений таким чином: 1. Положення і кордони. 2. Божниці. 3. Число мешканців. 4. Зовнішній вигляд киян і прикраси. 5. Житло. 6. Звичаї. 7. Поховальні звичаї. 8. Торгівля. 9. Монети. 10. Письмена. По декілька сторінок нової інформації додано про прийняття християнства і князя Володимира Великого, доповнена історіографія щодо «Повісті минулих літ», включено додатковий матеріал про стан Києва у 1651 р., кийське ополчення у 1794 р., магдебурзьке право, міські привілеї, польське повстання 1863 року. Значною мірою перероблено статті про Боричів узвіз, Трисвятительську церкву, Видубицький мона-

стир, Десятинну церкву, Золоті ворота, топографію Старого міста, історію Копи-ревого кінця, Юрковиці, Київської фортеці, Плоського, Пустинно-Микільського монастиря, Софіївського собору та про інші пам'ятки. Наново написана стаття про Кирилівський монастир. На сторінці 554 була стаття обсягом 0,5 сторінки «Церковные и священные вещи», яку замінено новим рукописним текстом на 20 сторінках під назвою «Древности церковные и мирские». Цей матеріал містить відомості про археологічні знахідки першої половини XIX ст., яскраво ілюструє методологію дослідження автора й одночасно являє собою історіографічний огляд із зазначеної тематики. Його ми вміщуємо у додатку.

«Описание Киева» М.В. Закревського. Сторінки книги з авторськими правками

М.В. Закревський мав намір змінити й структуру книги, розподіливши її на 5 томів: 1. Літопис міста Києва. 2. Опис Києва. 3. Києво-Печерськ. 4. Києво-Поділ. 5. Додатки. Хронологія. На превеликий жаль, жодного з вказаних нових додатків не збереглося. Серед них списки ігуменів Пустинно-Микільського і Видубицького монастирів, розпис київських храмових свят і днів, в які вшановується пам'ять місцевих святих, таблиця нещасних подій, перелік документів з історії Києва. Безпосередньо по друкованому тексту внесено доповнення у такі додатки, як списки правителів Києва, до 133 одиниць збільшено кількість джерел тощо.

У статті П. Крапиви, опублікованій 1987 р. в журналі «Радуга», згадується ще один авторський примірник «Описания Киева» М.В. Закревського, який немовби знаходиться у бібліотеці Московського історико-архівного інституту¹⁹. Проте публікація не має жодного посилання на джерела, відсутня й характеристика згаданого примірника. Не ставлячи під сумнів інформацію дослідника, все-таки не маємо можливості перевірити її та порівняти два примірники книги.

З часу виходу «Описания Киева» його не обминало жодне киевознавче дослідження, з'явилася сила нових ґрунтовних видань, але воно назавжди збереже значення першої узагальноючої праці енциклопедичного характеру, яка була міцним підмурком подальших краєзнавчих студій з історії Києва.

Сьогодні важко проаналізувати, як відгукнулась на книгу не наукова громадськість, а звичайні мешканці Києва, хоча маємо для з'ясування такої думки

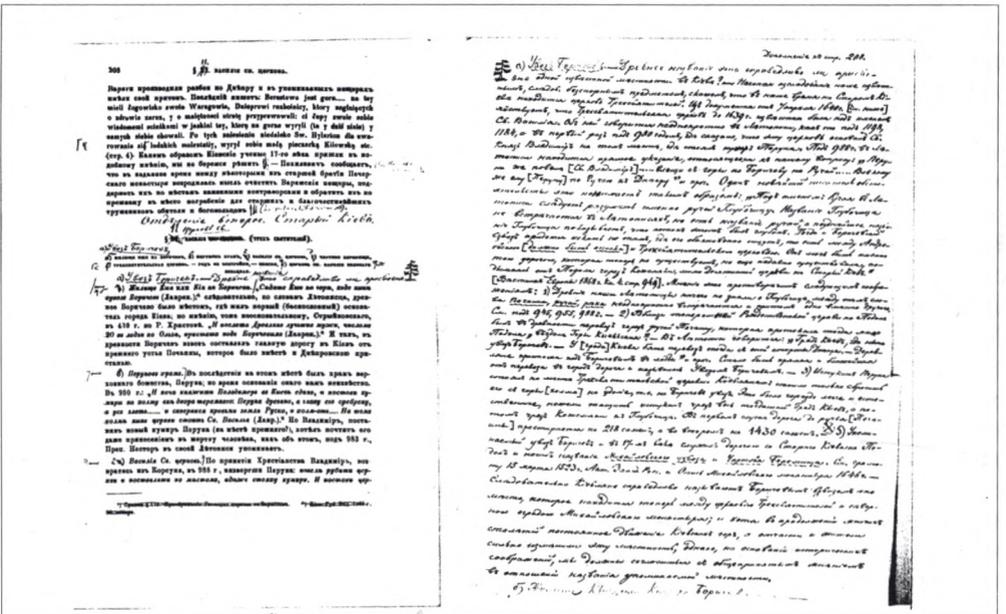
надзвичайно цікавий приклад. Микола Васильович порадив би разом з нами, коли б дізнався, що через кілька десятків років врятував своїм авторитетом реліквію київського самоврядування — статую богині правосуддя Феміди, що прикрашала до пожежі 1811 р. будинок магістрату на Подолі. Описуючи у своїй книзі цю мідну скульптуру, він зауважив, що йому невідомо, де вона тепер знаходиться. У Державному архіві м. Києва нам пощастило знайти лист мирового судді Сквирського судового мирового округу І.М. Дашкевича до директора Київського художньо-промислового і наукового музею М.Ф. Біляшівського від 8 листопада 1910 р., в якому розкривається доля цієї реліквії. І.М. Дашкевич описує, що знайшов її у 1877 р. в коморі свого тестя Ф.І. Войтенка серед господарського мотлоху. Статуя була розламана на п'ять частин: «корпус статуї с головою, вогнутой внутрь туловища (предполагается, в пожаре 9 июля 1811 г. она была раскалена и, получив удар в голову при падении какого-либо тяжелого предмета, сделалась сутуловатой), 2 руки прикреплялись в локте к туловищу винтами и раздвоенная чечевица, на верхней части ее сохранилась надпись. Не хватает: весов, которые она держала в левой руке, и меча в правой, каравшего неправду. Остались только рукоятки того и другого предмета в ее руках». І.М. Дашкевич показав знахідку професору Київського університету В.Б. Антоновичу, який визначив її Фемідою Магістратською, у чому впевнював і напис: «Зделана 1777 г. декабря 20 за правлением надворного советника войта Григория Сидоровича Пивоварова, бурмистра Дмитрия Александровича и райца Николая Леонтовича». Статуя була дуже популярною серед киян. Автор листа пише: «Недаром киевские старожилы, по словам двоюродного деда моего археолога-бытописателя г. Киева Закревского при одном воспоминании о ней волновались: «нема в Киеве правды», говорили они, а другие подавали им реплику: «сгорела». Помня эти милые рассказы дедушки Закревского, когда я случайно увидел эту статую в кладовых тестя, бывшего Городского головы, я сразу определил, с какой дамой имею дело». Статуя було подаровано музею²⁰ — попереднику Національного музею історії України, звідки у 1982 р. передано новоствореному Музею історії міста Києва, де вона експонується в одному з залів.

Іншою провідною ідеєю життя і творчості М.В. Закревського було збирання пісень, прислів'їв, приказок, загадок, складання словника української мови. Цим він займався з 1840 р. У 1859 р. для того, щоб зручніше було видати збірку накопичених матеріалів, він влаштувався коректором у друкарню Московського університету, незважаючи на невелику платню за важку працю. У 1860—61 рр. збірка «Старосветский Бандуриста» була опублікована. Велика за форматом книга обсягом VIII + 628 сторінок складається з трьох частин: 1. Избранные малороссийские песни и думы (190 творів). 2. Малороссийские пословицы, поговорки и загадки и галицкие приповедки (3878 висловів). 3. Словарь малороссийских идиомов (11 127 слів).

Вважаючи українську своєю рідною мовою, хоч більшу частину життя провів за межами України, Закревський не тільки пам'ятав її, а й уважно стежив за новинками новітньої української літератури, робив виписки, ревно захищав «малоросіян». Свою тугу за батьківщиною він висловив епіграфом до книги: «Тебе, милу Україну, повек не забуду». У передмові до збірника, зупинившись на питаннях формування української мови, її взаємозв'язку з польською та російською, думки учених з цих проблем, він відстоює право свого народу на розвиток рідної мови і літератури.

«Старосветский Бандуриста» з'явився на тлі національного піднесення, яке супроводжувалося виданням етнографічних, фольклорних, інших наукових праць, художніх творів українською мовою. Природним був протест проти офіційної політики, коли після остаточного знищення української державності наприкінці

XVIII ст., уряд спрямував усю силу влади на русифікацію України, на переслідування української мови як мови «простолюдинів». Відомий вчений О.М. Пипін — автор чотири томної «Истории русской этнографии» (1890—1902 pp.), 3-й том якої присвячений Україні, аналізуючи процес українського відродження у першій половині XIX ст., вбачає його джерела «в жизненной силе народного существа, в том новом социальном и литературно-поэтическом интересе к народному, которое составляет знаменательное историческое явление не только русско-славянской, но и всей европейской жизни нового времени»²¹.

«Описание Киева» М.В. Закревського. Сторінки книги з авторськими правками

Без цього етапу — першого накопичення матеріалу — розвиток фольклористики, етнографії, мовознавства як наук був неможливий. Ціла низка таких видань, підготовлених блискучими ученими, письменниками, діячами культури, які безумовно знав і використав для своєї праці М.В. Закревський, з'явилися у перші десятиліття XIX ст. Серед них «Грамматика малороссийского наречия» О. Павловського (1818), граматика української мови Й. Левицького (німецькою — 1834, 1849 і 1850), збірки українських пісень М. Максимовича (1827, 1834, 1849), «Малороссийские пословицы и поговорки» В. Смирницького (1834), «Запорожская старина» І. Срезневського (1834), «Галицькі приповідки і загадки» Г. Ількевича (1841), «Памятники для истории языка и словесности южнорусской» (1840) і «Народные южнорусские песни» (1854) А. Метлинського та інші.

Упорядник «Старосветского Бандуриста» використав також публікації у періодичних виданнях, твори Г. Сковороди, Г. Котляревського, Є. Гребінки, С. Величка, П. Куліша, додавши власний матеріал. У першій частині він зібрав як народні пісні, так і ті, що вибрав з творів українських письменників, супроводивши деякі з них коментарями. У збірку приказок включено близько 300 висловів, які він пам'ятав з юних років. Основна частина загадок вибрана з опублікованих видань. Словник української мови становить найбільшу за обсягом частину книги (с. 245—615). До нього включено для порівняння слова інши-

ми мовами і вказано на використання слів у новітніх письменників або у давньоруських пам'ятках. Наприкінці вміщено прокоментовану видавцем бібліографію видань, які слугували джерелом лексикографічного матеріалу.

Критика зустріла книгу неоднозначно. У журналі «Основа» у 1862 р. з'явилося два відгуки: співробітника журналу, історика, етнографа П. Єфименка²² й історика, етнографа, журналіста і видавця О. Гатцук²³. П. Єфименко піддав збірку нищівній критиці через відсутність наукової класифікації і аналізу пісень, використання авторських творів і опублікованих видань, неправильний переклад українських слів, включення до словника російських слів тощо. Висловлений М.В. Закревським намір продовжити роботу над збіркою, доповнити її у майбутньому граматиною, витягами із літературних творів, історичних статей, літописів, документів і т. ін., викликав у рецензента майже неприхований скепсис: «... трудно предполагать, чтобы из рук г. Закревского вышло что-нибудь путное». Більш об'єктивний і спокійний відгук опублікував О. Гатцук, зауваживши відразу, що на той час не було жодного більш-менш повного українського словника або граматики. Вказавши на недоліки видання, він схвалив у цілому збірку, особливо підкресливши значення словника. Він пише: «В настоящее время мы менее, чем когда-нибудь, можем давать значение частным мнениям и даже направлениям, которыми испещрено наше небольшое общество, и более чем когда-либо обязаны ценить добросовестную передачу фактов и стремление облегчить пользование ими: а это-то именно и составляет цель и характер «Старосветского Бандуриста».

Не зупиняючись на інших відгуках сучасників, зазначимо, що матеріали збірки було використано, наприклад, у відомому виданні М. Номиса «Українські приказки, прислів'я і таке інше» (СПб., 1864)²⁴. Ім'я М.В. Закревського згадується у всіх наукових узагальнюючих працях з етнографії, фольклористики, літературознавства. На нього посилається М.І. Петров в «Очерках истории украинской литературы XIX столетия»²⁵, О.М. Пипін, висловивши зауваження щодо відсутності наукової методології у збірці, оцінює словник як «полезный материал для будущего полного малорусского словаря»²⁶, М.Ф. Сумцов писав, що незважаючи на хиби й помилки, «словарь був для українців добрим здобутком по досить багатому змісту, по деяким історичним вказівкам, нарешті по своїй закінченості, бо обійма усі букви алфавіту»²⁷. У ряду перших фольклорних видань, що увійшли до скарбниці національної культури, сучасний дослідник М.М. Пазяк називає другу частину «Старосветского Бандуриста»²⁸.

Із заборноюю видань українською мовою, починаючи з Валуєвського указу, такі книги стали справжніми раритетами. Можна уявити радість і здивування Д.І. Яворницького, коли йому був переданий авторський примірник «Старосветского Бандуриста», підготовлений до другого видання. Книгу купив в антикварній лавці Астаф'єва у Москві його друг — російський письменник, перекладач І.О. Белоусов. Після кожного друкованого аркуша було вставлено сторінки паперу, на яких рукою М.В. Закревського зроблено поправки і додатки. Д.І. Яворницький підрахував, що було дописано 9 пісень, 630 приказок і прислів'їв, 11 загадок, 1205 нових слів, розширено статтю «О бывшем некогда отношении Малой России к Польше», додано «Очерк жизни сочинителя» і вклеєно портрет автора, підписаний «Киевлянин Николай Васильевич Закревский». Не маючи можливості проаналізувати зібраний матеріал і коштів на перевидання, але чудово розуміючи цінність знайденого примірника, Яворницький передав його у бібліотеку Катеринославського обласного музею імені О.М. Поля (тепер Дніпропетровський історичний музей імені Д.І. Яворницького), де книга була записана у відділі етнографії за № 173²⁹. Як повідомили нам співробітники музею, тепер у музейній збірці цього видання немає. Можливо, воно загинуло під час евакуації музею у роки Другої світової війни.

Єдиний слід, що залишився від тих авторських доповнень, це опубліковані у 1927 р. співробітником ВУАН В.В. Білим додатки до прислів'їв, приказок та загадок. Зауваживши, що найбільша вада збірки — її компілятивність і невелика кількість оригінального матеріалу, він підкреслив, що тепер багатьох книжок, якими користувався Закревський, знайти майже неможливо, а тому опублікований у ній матеріал досить цікавий для порівняльних студій як першоджерело³⁰.

Завдячуючи В.В. Білому, який видрукував також нотатки «Кому подарены книги Бандуриста», маємо можливість окреслити коло її поширення і знайомств М.В. Закревського. Виходячи з того, що 601 примірник був подарований Товариству історії та старожитностей російських, можемо припустити, що видання книги здійснене не без допомоги О.М. Бодяньського, який з 1857 р. знов обійняв посаду секретаря товариства і редактора його «Чтений». Ім'я О.М. Бодяньського стоїть першим у зазначеному списку. У 1861 р. йому подаровано 8 примірників. П.О. Куліш, В.М. Білозерський, М.О. Максимович, О.О. Котляревський, М.І. Костомаров, М.П. Погодин, І.І. Срезневський, М.Д. Іванишев, П.Г. і Ф.Г. Лебединцеві — далеко не повний перелік осіб, позначених у реєстрі. Кожен з них брав участь і посідав своє місце у тогочасному культурному українському житті. Чітко розумів своє місце і роль у цьому русі й сам М.В. Закревський, який писав: «Чтобы достигнуть этой цели (скласти повний словник української мови. — *Автори*), потребны и время, и совокупные силы многих любителей и знатоков народности, что, впрочем, при нынешнем развитии (прогресса) не замедлит исполниться. С этим убеждением и я приношу свою посильную лепту в общую сокровищницу народного образования. Для будущих составителей, коих оказывается не мало число, труд мой будет служить материалом и пособием. Помагай, Боже! — До готовой колоды добре огонь подкладаты».

¹ Закревский Н.В. Описание Киева. — М., 1868. — Т. 2. — С. 926—928.

² Эварницкий Д.И. К биографии малороссийского этнографа Н.В. Закревского (1805—1871) // Исторический вестник. — 1911. — Т. СХХIV. — Апрель. — С. 211—217.

³ Там само. — С. 213.

⁴ Там само. — С. 214.

⁵ Отечественная история: Энциклопедия. — М., 1994. — Т. 1. — С. 259.

⁶ Письма Н.В. Закревского к протоиерею П.Г. Лебединцеву (С предисл. И. Гордиевского) // Киевская старина. — 1902, июль-август. — Т. LXXVIII. — С. 80.

⁷ Там само. — С. 81.

⁸ Московський публічний музей, в якому працював М.В. Закревський, створено у 1861 р. Він розташувався в одному приміщенні з Рум'янцевським музеєм, переведеним у тому ж році із Петербурга. У 1862 р. їх об'єднали. У 1920 р. музей розформовано, колекції розподілено між іншими музейними установами.

⁹ Письма Н.В. Закревского... — С. 84—85.

¹⁰ Там само. — С. 88—89.

¹¹ Протоколы заседаний Московского археологического общества // Древности: Труды Московского археологического общества. — М., 1869. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 171.

¹² Издаваемое Описание Киева. Записка действительного члена Н.В. Закревского // Там само. — С. 179—183.

¹³ Щербина В.І. Давні плани міста Києва (1638—1837) // Нові студії і історії Києва Володимира Івановича Щербини. — К., 1926. — С. 45.

¹⁴ Максимович М. Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. — СПб, 1871. — С. 3.

¹⁵ Вестник Европы. — 1868. — Кн. 4. — С. 949—958.

¹⁶ Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб, 1894. — Т. XII. — С. 183.

¹⁷ Русский биографический словарь: Жабокритский — Зяловский. — Пгд., 1916. — С. 200.

¹⁸ Киевские епархиальные ведомости. — 1869. — № 3. — С. 99—114; № 4. — С. 133—150.

- ¹⁹ *Крапива П.* Вся жизнь — поиск. // Радуга. — 1987. — № 12. — С. 171—173.
- ²⁰ Державний архів м. Києва. — Ф. 304. — Оп. 1. — Спр. 12. — Арк. 114.
- ²¹ *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. — Т. III. Этнография малорусская. — СПб, 1891. — С. 9.
- ²² *Ефименко П.* Старосветский Бандуриста Н. Закревского // Основа. — 1862. — № 10. — С. 27—48.
- ²³ *Гатцук А.* Старосветский Бандуриста Н. Закревского // Там само. — № 5. — С. 52—73.
- ²⁴ Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номис / Упор. М.М. Пазяк. — К., 1993. — С. 32.
- ²⁵ *Петров Н.И.* Очерки истории украинской литературы XIX столетия. — К., 1884. — С. 108, 122, 168, 174.
- ²⁶ *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. — Т. III. Этнография малорусская. — С. 343—347.
- ²⁷ *Сумцов Н.* Малюнки з життя українського народного слова. — Харків, 1910. — С. 99.
- ²⁸ *Пазяк М.М.* М. Номис і збірка «Українські приказки, прислів'я і таке інше» // Українські приказки... — С. 7.
- ²⁹ *Эварницкий Д.И.* К биографии малороссийского этнографа Н.В. Закревского (1805—1871).
- ³⁰ *Білий В.* З неопублікованих матеріалів М. Закревського // Етнографічний вісник. — К., 1927. — № 4. — С. 142—159.

Дополнение к § 74.

**Музей Древностей, страница 554, строка 10 снизу.
После слов: и стали достоянием не столько Музея,
сколько Истории Киева. Дополнить:**

ДРЕВНОСТИ ЦЕРКОВНЫЕ И МИРСКИЕ.

Клад В. Харщевского. Об этом достопримечательном кладе, руководствуясь статьею преосв. Евгения Болховитинова и некоторыми другими сообщениями, скажем следующее:

1824 г. мая 25 дня, в день праздника Св. Духа, киевский мещанин Василий Харщевский, идучи поутру из Киево-Подола на гору Старого Киева тропинкою, прямо к Михайловскому монастырю, и взошедши уже по тропинке возле ограды монастыря, против Боричева взвоза (на котором стоит церковь Трехсвятительская), на скате старого вала наступил на выпуклый, из впадины обнажившийся красный кирпич, который лопнул под ногою его. Харщевский увидел, что это был горшок. Разломав его покрышку, он усмотрел там блестящее серебро и вынул оное в платок. Но заметив между вещами церковные, немедленно представил эту находку в городскую полицейскую часть к приставу и потом полицмейстеру; а сей, пересмотрев у себя вещи и доведя до сведения губернатора, препроводил все это для описания к известному в Киеве любителю древностей М.Ф. Берлинскому, приказав вырыть и самый горшок, в коем лежали эти драгоценности. По осмотре вещей оказалось:

1) Горшок, в коем положены были все эти древности, сделан из красной горшечной глины в виде урны или конуса с округленным концом, обточенный горшечником рубчатыми полосками по поверхности, а внутри гладкий и обожжен. Глубина горшка 15 3/4 дюйма; в верхнем отверстии поперечник 9 1/2 дюймов, а толщина черепка около одного дюйма,

кверху сведен краями и наложен был крышкой. См. Табл. 43, рис. 1. Под крышкой этого горшка положена была на вещах парчевая материя, вся истлевшая. Из оставшихся лоскутов заметно, что она была шелковая, наподобие нынешних леватинов, протканная клетчатými, извилистыми золотыми узорами. Нельзя отгадать, что составляли эти лоскутки: воздухи церковные, на сосуды налагаемые, или какую церковную пелену, или омофор архиерейский? — Под этим парчевым покровом положены были следующие вещи:

2) Серебряный на подножке потир или напестольная чаша, низкая; по четырем сторонам ее выпуклые чеканью изображения в кружках: а) Спаситель, правую рукою благословляющий двумя последними перстами к большому преклоненными, а указательный и средний стоящие; левою же рукою держащий Евангелие; по сторонам его надпись IG. XP греческими буквами. б) Божья Матерь с воздетыми вверх руками без младенца; по сторонам ее надпись: MP. OY . в) Иоанн Златоустый, в омофоре на фелони, без митры на голове; правую рукою благословляющий, сложением перстов четвертого преклоненного к большому; а указательный, средний и мизинец стоящие; левою рукою держащий Евангелие; по сторонам его надпись: $\text{O IW. XP. [ICTOYMOY]}$. г) Иоанн Предтеча, правую руку имеющий перстами двумя средними с большим сложенную, а указательный и мизинец стоящие; в левой же руке свиток. По краям сего потира вырезаны большими заглавными буквами по-гречески известные Христовы евхаристические слова: Примите от нея вси и проч. Как изображение ликов, так и края, были вызолочены, но от долгого, вероятно, употребления позолота несколько истерлась. Высота всей чаши 6 1/2 дюймов, в поперечнике 4 2/10 д., в поперечнике подножия 4 дюйма. Весу серебра в потире с подножкой 68 золотников. См. Табл. 43, рис. 3 и 4.

3) Серебряный дискос представляет одну тарелку без подножки (так обыкновенно бывало в древних напестольных сосудах); в поперечнике 8 1/8 дюйма. По краям тарелки вокруг вырезаны такими же буквами, как и вышепоказанные, Христовы евхаристические слова по-гречески: Примите, ядите сие есть тело мое и проч. Посредине тарелки в кружке такое же изображение Божией Матери, как и на чаше, и так же вызолочено, как и края. Тарелка сия была на самом дне сосуда и согнута по причине тесноты дна в горшке; почему несколько сломалась. Весу в ней серебра 25 золотников. См. Табл. 43, рис. 2.

4) Круглая икона, в виде медальона, подобная архиерейской панагии, самого чистого золота; в поперечнике 3 дюйма, с обручем, испещренным сканною работою. Панагия эта несколько выпукла с лица, на коем по финифти изображен золотыми, просвечивающими со дна, чертами Спаситель, одною рукою благословляющий, как и на потире, а в левой держащий Евангелие; по сторонам его надпись IG. XP Вокруг по обручу, между сканных фигур, десять камешков рубинных и бирюзовых. Около всего изображения была круговая нитка жемчугов или других каких каменьев. Вверху панагии ушко пуговичное, в виде продолговатого шарика, со сквозным отверстием для цепочки или шнура; а ниже этой пуговицы прикреплены две жемчужины. Задняя сторона, судя по оставшим-

ся на обруче скважинам, была какою-нибудь дощечкою закрываема; но закрышки этой при панагии не оказалось. Весу золота 12 3/4 золотника. Табл. 44, рис. 1.

5) Другая така же золотая панагия меньше, в поперечнике 2 5/8 дюйма, имеет совершенно подобную фигуру и украшения, с такою же сквозною пуговкою. На ней изображен какой-то лик юноши без подписи, в хитоне, по красной финифти испещренном сердечками; правую рукою прижавший к груди крест четвероконечный, а в левой держит щит. Венец около головы показывает, что это изображение святого; судя по кресту, это представлен мученик, а по червленному хитону — воин. Весу в сей иконе золота 9 1/2 золотников; задней закрышки также нет. Табл. 44, рис. 2.

6) Крестик равносторонний, величиною в 1 2/8 дюйма; вырезан гладко из мрамора, а по концам оправлен в золотые накладки под белую финифтью. На одной стороне его, по накладкам, изображены крестообразно надписи таким образом:

	Н Н.	
ІГ.		ХР.
	КА.	

На обороте, по концам находятся крестообразные фигурки, между которыми в середине была золотая дощечка с греческой надписью уже изломанная; по оставшимся буквам не можно отгадать, что было написано. Вероятно под сею дощечкою, или на ней, вделаны были какие-нибудь мощи. Вверху крестика на накладке ушко для цепочки или шнурка. Весу в накладках 2 золотника. Табл. 44, рис. 3.

7 и 8) Две серебряные, круглые, густо вызолоченные серги, на обе стороны выпуклые, внутри пустые, вверху имеющие жолобины с отверстием, каждая в поперечнике один вершок. Под жолобинами у каждой серебряная же позолоченная дужка, а к ней принадлежит кольцо, открывающееся для закладывания в ухо. На этом кольце находится по три сквозных пуговички, серебряные, позолоченные и испещренные крапинками. Пуговички эти, судя по истершимся на них крапинкам, вероятно долго были ношены. На выпуклых сторонах серег изображены финифтью пестрые грифоны, с одной стороны в виде крылатого льва с орлиною головою, а с другой стороны в виде крылатого только орла; головы сих грифонов обращены на обоих боках каждой серги к одной стороне. По впадинам и ушкам около краев сих обеих серег замечательно, что они были унизаны жемчугом или другими дорогими камнями, но их уже не оказалось. Длина сих серег от нижнего края яблока или привеска до верха заушного кольца три дюйма; весу серебра в обоих штуках 14 золотников. Табл. 44, рис. 8, 9 и 10. Подобные серги (также арабские монеты или диргемы и древнейшие витые браслеты, о чем см. ниже) были находимы во многих местах России, что доказывается несколькими подобными экземплярами, находящимися в собрании древностей графа Уварова и покойного Савельева. Собрание это летом 1868 г. из Оружейной палаты поступило в Московский музей.

9) 25 золотых привесок в виде кисточек, тонкой сканной работы, разной фигуры; из них большая часть уже переломлена и без украшений; но из уцелевших каждая имеет по углам своим четыре грушевидные, наду-

тые подвесочки, с 16 мелкими жемчужинами и четырьмя по сторонам камешками. Привески эти вероятно служили на воздухах или на омофоре бахромою. Вообще весу в них со всем прикладом 32 золотника; однако должно думать, что их было гораздо больше числом. *Табл. 44, рис. 5.*

10) 20 тонких, плоских, почти перетлевших худого серебра бляшек, с одной стороны вызолоченных, с фигурными прорезами. Такие фигурные украшения приметны на старинных греческих иконах на воскрилиях риз святительских; почему вероятно и эти попадали с сотлевшего омофора или воздуха. Кроме уцелевших сих 20 бляшек, еще много находилось от них обломков и между истлевшею в сосуде материею множество мелко-го жемчуга, также почти перетлевшего. *Табл. 44, рис. 7.*

11) Восемь штукек самого чистого золота, в виде дужек или полукольца широких, сканной работы. Каждая штука усажена на поверхности тремя крупными и несколькими мелкими в возвышенных местах камнями, неограненых аметистов, яхонтов, низких рубинов, алибандинов и других полудрагоценных; между тем видны перламутры и мелкие жемчуги, чего однако много повыпадало. По связи сих штукек и по шалнерам оных видно, что они составляли оклад корня Евангелия; но много еще их для целой книги недостает; ибо все восемь, параллельно сложенные, едва составляют мерою три вершка; разве лежали они с разстановками. Ежели корешок Евангелия был столь драгоценен, то и остальной на досках оклад был не менее драгоценен. Весу во всех осьми штукках с камнями 43 1/2 золотника. *Табл. 44, рис. 6.*

12) Одна плоская треугольная золотая бляшка, испещренная с одной стороны тонкою финифтью в виде цветов. Верхний угол этой бляшки отломан. Весу в ней золота 3/4 золотника. Она служила, может быть, на угольником Евангелия; но не достает прочих. Самый горшок мог вмещать в себе больше вещей, нежели сколько их оказалось. *Табл. 44, рис. 4.*

Все найденные в упоминаемом горшке утвари и по греческим на них надписям, и по фигурной отделке, очевидно византийской работы и принадлежат первым временам христианства в России до 13-го века; потому что в последовавшие века церкви киевские не могли уже иметь столь драгоценных утварей. Самый горшок, в коем положены они, подобен тем, в коих около Ольвии находят греческие монеты и древности. Почерк греческих букв на чаше, дискосе и других утварях сходен с тем, каким сделаны надписи на мозаике Киево-Софиевского собора в начале 11-го века и с буквами 10-го и 11-го века, изображенными в Монфоконовой Палеографии. Есть еще примета тех же веков и по сложению перстов благословящих рук, изображенных на сих утварях в те века еще решительно неопределенному по разному понятию тогдашних христиан. Посему, как выше сказано, на одном и том же потире в благословляющих руках Спасителя, Иоанна Златоустого и Предтечи есть различие. То же самое видно и на мозаических изображениях Святых в Софийском соборе. Неизвестно, когда сии утвари сокрыты в землю. Вероятно, что это произошло перед какою-нибудь опасностью, угрожавшею разорением или грабежом Киева. Остается вопрос, каким образом здесь между священными вещами нашлись серги? Из Летописей извест-

но, что князья отдавали в церкви свои одежды; например под 1203 г. (Лаврент. с. 176 см. у нас. с. 24). Известно также, что и некоторые из наших князей носили серги. Так, В. Кн. Святослав Игоревич, по свидетельству Льва диакона, имел в одном ухе золотую сергу, украшенную двумя жемчужинами и рубином. В завещаниях тоже упоминается иногда о сергах князей. (См. Грамоты, изд. гр. Румянцевым). Но князья носили по одной серге, а здесь найденная одинаковая пара оных доказывает, что они были женские. Помещение серег и притом с мифологическими изображениями между священной утварью составляет вопрос, на который теперь нельзя дать решительного ответа. Но если Русские князья имели обыкновение приносить церквам в дар свои одежды и украшения; разве не могли тоже делать княгини и княжны?

В археологическом путешествии своем по России в 1825 г. Павел Свинын, между прочим, пишет, что г. Берлинский показывал ему то место близ Золотоверхо-Михайловского монастыря и древнего Бердычева взвоза, на скате старого вала, где Харщевский нашел кувшин (?), наполненный разными церковными драгоценностями, которые вероятно сокрыты были от хищничества Батяя и с тех пор находились в земле. Две или три из сих не весьма ценных вещей приобретены каким-то чиновником, а прочие представлены к Высочайшему Двору и находятся в Эрмитаже. Об этой находке Берлинский немедленно известил графа Румянцева, который тотчас же изъявил желание, через посредство К. Калайдовича (в Москве) и адъютанта генерала Раевского, штабс-капитана Павла Муханова (в Киеве) приобрести клад, найденный Харщевским; но с графа требовали непомерную сумму денег — за какие-то четыре вещи 1500 руб. ассигнац., и покупка, кажется, не состоялась (Труды и Записки Общ. истор. Ч. 3. Чт. в Общ. истор. 1862 г. кн. 3. с. 180). Рисунки описанных здесь древностей из клада Харщевского, по желанию М. Берлинского, сделанные в 1824 г. мною с другим моим сотоварищем, при описании, составленном м. Евгением, отосланы в Московское общ. истор. и древн. По ним изготовлены гравюры Г.А. Афанасьевым. Общество предназначало поместить гравюры эти (пять таблиц) к 3-й части Трудов своих; но по странной причине, известной только Ив.М. Снегиреву, бывшему в то время секретарем общества, почти все эти гравюры согнили в подвале; сохранилось крайне малое число экземпляров, а текст остался без изображений, и только случайным образом в октябре 1868 г. мне удалось отыскать один экземпляр этих гравюр. У меня и доселе хранится копия с рисунка серег из упоминаемого клада.

13) Черниговская медаль. В мае 1821 г., в 17-ти верстах от Чернигова, одною крестьянскою девушкою найдена в саду золотая медаль, с тех пор известная под именем Черниговской. Она чеканена, имеет два ушка для ношения. На лицевой стороне изображен Св. Архангел Михаил, а по бокам его имя, вокруг надпись на греческом языке: $\alpha\omega\zeta \alpha\omega\zeta \alpha\omega\zeta \upsilon\zeta \Sigma\alpha\beta\omicron\sigma\theta \pi\lambda\eta\rho\eta\sigma\omicron \gamma\rho\alpha\upsilon\sigma\zeta \kappa\alpha\iota \eta\eta\eta$ Свят свят Господь Саваоф исполнь вся земля славы его (Исайя VI. 3). На обороте представлена женская голова, около коей обвился десятиглавый змий. Вокруг сего змия две надписи, одна внутренняя славянская: Господи, помози рабу своему Василичу.

Амин. Другая наружная сделана греческими буквами. Медаль в поперечнике имеет 2 9/10 дюйма. Весом почти полфунта. См. *Табл. 45*, рис. 1. С течением времени нашлось несколько медалей, подобных Черниговской. В начале нынешнего столетия в Михайловском уезде Рязанской губ. близ деревни Савины найдена медная медаль, на которой с одной стороны изображен лик Божией Матери с младенцем Иисусом, а на оборотной стороне голова, обвитая 12-ю змиями. Тоже в Рязани найдена медная медаль, меньшего размера, с изображениями, на одной стороне Св. Никиты, а на другой такой же клуб змей. На Куликовом поле найдена медаль с изображением двух Святых, а на обороте представлены сплетшиеся змеи. Есть тоже медная медаль с изображением Архангела Михаила с надписью: Господи, помози рабе своей Евдогие. Аминь. На другой стороне в середине женская голова, около коей обвился осмиглавый змий. Ал. Оленин, предлагая вернейший рисунок с Черниговской медали, — с которого и у нас сообщена копия — поместил на той же таблице рисунок с найденного в Рязанск. губ. медного восьмистороннего образка, принадлежавшего г. Татаринovu. Образок этот любопытен как по изображению на одной стороне 12 змий, вьющихся около женской головы, так и с другой стороны по изображению какого-то Святого, держащего левою рукою демона за волосы, а правую грозит ему перуном (См. *Табл. 45*, рис. 5 и 6). Проф. Крузе нашел в Готе два оникса *intaglio* (разные внутри); отыскалась также Казанская медная медаль, подобного значения (См. Отечественные записки 1821 г. Вестник Европы 1822 г. Латинск. катал. Дерпт, 1824 г. Музей Раупаха 1824 г. Журн. Минис. Нар. Просв. 1836 г. Ч. 9 и 10). Еще в 1825 г. от 5 окт. Калайдович писал к графу Румянцеву следующее: «Теперь у меня перед глазами достопамятная медная с ушком икона, найденная на Куликовом поле и принадлежащая генерал-губернатору Балашову. С главной стороны изображены два лица, мне неизвестные, с греческою, не везде правильною надписью: $\alpha\gamma\iota\omicron\varsigma\ \alpha\gamma\iota\omicron\varsigma\ \alpha\gamma\iota\omicron\varsigma\ \kappa\zeta\ \Sigma\alpha\beta\alpha\theta\ \pi\lambda\eta\rho\iota\varsigma\ \sigma\ \sigma\upsilon\gamma\alpha\upsilon\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \gamma\iota.$, с другой же стороны лицо, обвитое змеями, у коих видно десять голов. Это уже осьмая редкость с одинаковым эмблематическим изображением: 1. Черниговская золотая, надевавшая столько хлопот антиквариям; 2, 3 и 4, медные с изображением Богоматери, в руках Гг. Зосимы, Нечаева и одного Козака, который недавно отдавал ее в Москве позолотить и украсить по своему; 5 и 6 медные, представляющие мученика Никиту, в Рязанской гимназии (г. Татаринова, см. письмо А. Оленина 1836 г.) и у одного моего знакомого; 7, серебряная, точно такая же, как у г. Балашова, в руках московского серебряника, который ни за что не хочет с нею расстаться, и 8, медная, одинаковая с № 7, та самая, о коей теперь сообщаю Вашему Сиятельству сведения» (Чт. в Общ. ист. 1862, кн. 3, с. 197). В бытность мою в Киве 1864 г. бывший ректор университета Н.Д. Иванишев подарил мне один экземпляр медной медали, хорошо сохранный и совершенно подобный Черниговской, недавно найденный в Межигорьи. Должно думать, что число медалей еще более увеличилось.

Несмотря на попытки многих ученых, как то: Антоновича, Моргенштерна, Де Сенглара, Кеппена, Варвинского, Каченовского, С. Нечаева,

Евгения Болховитинова, Крузе, Франке, Эрдмана, Непирского и других, смысл греческой надписи, находящейся возле изображения змей на Черниговской и других медалях, остался неразгаданным. Знатоки находят, что надпись эта составлена крайне запутанно и притом ошибочно. Большая часть исследователей приурочивала упоминаемую медаль ко временам Владимира Святого, т. е. к 10 веку. Одни писатели видели в Черниговской медали древнюю Гривну, которую носили на шее, подобно нынешним орденам (Кеппен. Сп. Рус. памятн.). Другие думали, что медаль эта выбита Св. Владимиром на память крещения Руссов. Митрополит Евгений почитает подобные медали Амулетами, основываясь на следующих соображениях: 1) Символические изображения змей с христианскими иконами Соборами запрещены (Кормч. Кн. Ч. 1, л. 26, 51 и 80). 2) Греческая надпись около змей и доселе не разгадана, следовательно она таинственна, что способствует суеверию. 3) С религиею греки внесли в Россию и предрассудки свои (Труды Общ. ист. и древ. Т. III, с. 123, 131, т. VI, с. 123). Археографическая комиссия, вполне соглашаясь с этим мнением, отвергает и древнее происхождение таких медалей. Она пишет: «Подобных медалей, частью серебряных, частью бронзовых, есть несколько. Весьма вероятно, что впоследствии с них вылиты были еще другие экземпляры. В медалях этих встречаются различные изменения: на некоторых находятся изображения Богоматери, держащей младенца Иисуса. Полагать надобно, что их носили в виде амулетов: это доказывается различными именами тех, кои заказывали их, желая быть под охранением святыни, на медали изображенной. Непонятная греческая надпись на Черниговской медали должна быть не иное что, как известная формула византийских амулетов, которые можно увидеть у Монфокона и у других. Очевидно, что надпись эта взята с какого-нибудь Абраксаса. Главнейшее ее достоинство, как полагать должно, заключалось в ее непонятности. Нет никакого основания считать подобные медали принадлежащими к отдаленной древности, по примеру некоторых ученых, относящих эти произведения позднейшего искусства даже ко временам Владимира Великого. Несравненно вероятнее, что они принадлежат к 15 или 16-му веку». (Собрание Русск. медалей, издан. по Высоч. повелению, Археографич. комис. СПб., 1840).

По нашему мнению, голова, обвитая змеями, есть ничто иное, как повторение и переделка мифологической идеи, заключающейся в изображении Медузиной головы, взор которой, по верованиям языческих греков, имел волшебную силу превращать людей в камни. Голову эту изображали на покрывалах (эгидах), на щитах и грудях панцырей для предохранения от уязвления и вообще от несчастий, что видно на множестве древних барельефов и статуй. Итак на этих медалях (очевидно амулетах) отразилось суеверное сочетание христианских верований с мифологическими преданиями. Обстоятельство это подает повод думать, что подобные медали могли существовать даже и в 10 веке. Они были изготовляемы крымскими (корсунскими) греками для русских, которые были с ними в постоянном сообщении.

Монеты. 14) Владимирова золотая имеет в поперечнике 8/10 дюйма. На лицевой ее стороне находится грудное изображение Спасителя с до-

вольно ясною круговою надписью + ИСУСЪ ХРИСТΩ/С/Ъ. На оборотной стороне представлен сидящий кн. Владимир. На главе у него корона, унизанная камнями, которые составляют и ожерелье. На короне из камней крест. В правой руке держит он длинный жезл, оканчивающийся крестом. В левой, кажется, держава. По краям монеты не совсем явственная надпись Владимиръ. А се его злато. Возле левого его плеча находится какой-то знак, такой же, как и на монете Ярослава, — в виде обращенной вверх хоругви. Весу в этой монете 42 грана. Она куплена в Киеве у одного из бывших пеших стрелков, распущенных в конце 1796 г., а ему досталась от матери, при разлуке с нею. В 1816 г. монета сия принадлежала бывшему аптекарю колл. ассес. Бунге, а в 1820 г. ст. сов. Матвею Васил. Могилянскому; но в 1821 г. к сожалению случайно затеряна в Государевом Саду. Через два года, — по словам Калайдовича — носились слухи, что она показалась в Петербурге. Чекан ее совершенно византийский. См. *Табл. 45, рис. 2.*

15) Владимировая серебряная монета имеет в поперечнике 1 1/7 дюйма. С лицевой стороны представлен Кн. Владимир, сидящий на престоле, одет в мантию. На главе его корона с крестом. Камни от короны висят по бокам до плеч. Длинный жезл, оканчивающийся крестом, держит оне, кажется, обеими руками. По краям монеты изображена надпись ВЛАДИ/МЕ/РЪ НА СТОЛ/Ъ/. На оборотной стороне представлен тот же неизвестный знак, как и в золотой монете; вокруг надпись: А СЕ ЕГО СР/Е/БРО. Весу 57 гранов (Кеппен. Спис. Русск. памят.). Из писем М. Берлинского к графу Румянцеву (хранящихся теперь в Московском публичном музее), и именно из девятого письма от 19 июля 1816 г. явствует, что упоминаемая серебряная медаль или монета найдена в 1807 г. при пахании земли, почти на поверхности, одним крестьянином, жителем Полтавской губер. местечка Борисполя, в 35 верстах от Киева. Монета сия принадлежала в 1816 г. киевскому купцу Пирожкову; чекан ее был довольно истерт и неясствен. См. *Табл. 45, рис. 3.* Из писем К.Ф. Калайдовича видно, что серебряная Владимировая монета в декабре 1817 г. принадлежала уже М. Могилянскому, который, при посредстве Калайдовича, 24 июня 1823 г. продал ее за 500 руб. ассигн. зарайскому купцу Козме Ив. Аверину. Тогда же был прислан из Киева и вернейший рисунок с утерянной Владимировой золотой монеты, сделанный подполковником Флиге. 28 января 1826 г. Калайдович представил, от имени Аверина, серебряную Владимирову монету в Московское общество истории, где она и должна находиться. Монеты Владимировы, золотую и серебряную Карамзин и Круг видели в Петербурге в октябре 1823 г. и считали неподдельными (Чт. в Общ. истор. 1862 г. кн. 3. с. 19, 118 и 121. — Карамз. Истор. Т. II, прим. 56). Граф А. Мусин-Пушкин достал из Киева выкопанную в валу полтину, с надписью Князь Волод. Изображение обеих Владимировых монет, золотой и серебряной, напечатаны в Вестн. Европы 1816 г. № 12 и 15. Там же помещено об них и письмо А. Воейкова. Один экземпляр Владимировой серебряной монеты найден в 1858 г. близ Мекленбургского города Швана (Schwaan. См. А. Куника).

16) Ярославова серебряная монета, поперечник коея в один английский дюйм, имеет весу гран. Св. Георгий представлен с венцом вокруг

главы, на плечах хламида, из-под коей видна часть брони; на левой руке щит, в правой копье. В поле, по обеим сторонам представлены следующие буквы ОГѢ—ѠГРЮ, имеющие образ греческих одиннадцатого века. На другой стороне вокруг находится следующая славянская надпись: + Ярославле сѣребро. В середине надписи знак, подобный, по мнению Карамзина, трезубцу, а по мнению Оленина, обращенной вверх хоругви; на боках монеты стоят три буквы: М. А. Н. Эта драгоценность принадлежала графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. Он ее достал из Киева, найденную в привесках на иконе (М. Евгения Словарь русск. свет. писат. Т. II, с. 95). Изображение этой монеты напечатано в письме А. Оленина о камне Тмутороканск. СПб, 1806 г. и сочин. А. Куника о русско-византийских монетах. Другой экземпляр ее найден близ Дерпта в Ратсгофе.

Описанные здесь древние две монеты прежние писатели относили ко временам Владимира Святого, Мономаха или Владимира Галицкого, а третью ко временам Ярослава I (См. *Табл. 45*, рис. 4); но Археографическая комиссия отвергает это мнение таким образом: «Основываясь на строгой нумизматической критике, можно с достоверностью отнести начало наших монет только к концу 14-го столетия, а первые медали к 15 или 16 веку. Нет никаких положительных (!) доказательств, чтобы монеты, известные у нас под названием: Владимировой, Ярославовой и Святославовой, были действительно русские. В летописях наших находим известия о древней меновой торговле, и ни слова об отечественных монетах столь отдаленной древности. Если бы они действительно были, то странно, что из пространства времени, обнимающего собою почти триста лет и простирающегося до Димитрия Иоанновича Донского, не сохранилось ни одной монеты ни в самой России, ни вне пределов ее. Монголы не были и не могли быть препятствием к сохранению древних русских монет и к чеканению оных в эпоху первых своих нашествий, если бы монетное искусство было у нас известно до 14-го века. По всем историческим соображениям, гораздо с большею вероятностью должно отнести упомянутые выше монеты к тем южным славянским народам, которые находились в ближайшем соприкосновении с Византийскою империею. Они весьма сходны с монетами сих последних народов, имеющими также славянские надписи» и проч. (Собр. русск. медал.). Впрочем новейшие нумизматы не согласны с мнением Археографической комиссии и принимают существование монет в России во время Ярослава I и Владимира Мономаха (А. Куник. Также Извест. Археол. общ.).

17) Киевские гривны. Как в самом Киеве, так в его окрестностях, и даже в разных местах России были неоднократно вырываемы шестисторонние серебряные слитки, большею частию весом от 36 до 38 золотников. Слитки эти известны под названием Киевских гривен или Рублей серебра. В 1824 г. три таковые гривны были найдены в правой стороне Владимировой Десятинной церкви, близ алтаря, под землею, на глубине аршина в полтора, вместе со слитком обгоревшего олова; а один рубль найден в щелке Могилиной Десятинной церкви (Труды Общ. ист. и древн. V, 124). В 1838 г. г. Ставровский, производя раскопки на месте

так называемого Федоровского (вотча) монастыря, нашел, между прочим, тоже три Киевские гривны (Табл. 46, рис. 1, 2 и 3). Вместе с Киевскими находимы были и Новгородские гривны. Из иностранных попадались Римских императоров: между ними один жетон, выбитый в честь Луциллы (Калайдович), одна медная монета Иоанна Цимисхия с изображением Спасителя, величиною в пятак, также Немецких императоров, но чаще всего встречаются польские деньги и московские копеечки.

Кроме упомянутых выше гривен, в развалинах Федоровского монастыря в 1838 г. найдены еще следующие древности:

18) Золотой круглый образ с эмалевым изображением Спасителя; в поперечнике $1 \frac{3}{8}$ дюйма, толщиной посередине $\frac{2}{8}$ дюйма, с ушком вверху для ношения, а внизу для какой-нибудь привески. Он был обнизан кругом (по ободку) жемчугом, коего уцелела только небольшая часть. (Табл. 46, рис. 4, 5 и 6).

19) Золотой тонкий крестик, в высоту с ушком 1 дюйм, в ширину $\frac{6}{8}$ дюйма; ушко испорчено (Табл. 46, рис. 7).

20) Три креста коринфской меди, с выпуклыми изображениями Святых; длина двух крестов $3 \frac{3}{4}$, а ширина около $2 \frac{1}{2}$ дюймов; третий гораздо меньше (Табл. 46, рис. 8, 9 и 10).

21) Пять золотых перстней: три из них с цветными камнями, четвертый с фигурой ~, пятый с вырезанным вензелевым изображением (Табл. 46, рис. 11, 13 и 14).

22) Золотая, круглая, продолговатая запонка, прорезной работы, длиною $\frac{6}{8}$, а толщиной посередине $\frac{2}{8}$ дюйма; с обоих концов отверстия для ношения на снурке (Табл. 46, рис. 12).

23) Малые железные щипцы для снятия со свечей.

24) Малый кусок или обломок яшмы, шлифованный с двух сторон.

25) Восемь древних глиняных половых плиточек, со следами окраски.

26) Два обломка надгробной доски из красноватого шифера (Журн. Мин. нар. проsv., апрель 1838 г.).

В 1827 г. на Старом Киеве, близ Сретенской церкви, на дворе прапорщика Августиновича найдено:

27) Четыре пары золотых, дутых серег; весу $12 \frac{1}{2}$ золотников.

28) Цепочка золотая, дутая, в виде мониста, из 23 звеньев; весу $16 \frac{1}{2}$ золот.

29) Одиннадцать крючков золотых; весу $14 \frac{1}{4}$ золотн. 74 пробы (Журн. Минис. нар. проsv., ноябрь 1836 г.).

30) В Старокиевском валу, на Крещатике, найден в июне 1834 г. подполковником Фитингофом древний железный шлем с частию панцыря (Табл. 45, рис. 7).

Строитель теперешней Десятинной церкви, покойный А.С. Анненков, производя в некоторых местах Старого Киева раскопки, в 1837 г. нашел в ограде Трехсвятительской церкви следующее:

31) Наперстный крест из коринфской меди.

32) Два древние кирпичика квадратной формы.

33) Пять колец разноцветных из византийского стекла.

34) Ручка медная от древнего сосуда.

35) В том же 1837 г. близ Десятинной церкви, в саду своем Анненков нашел наперстный крест из коринфской меди, в высоту 3 1/2 дюйма (Табл. 47, рис. 2).

36) Там же большую серебряную серьгу, собственное ушное кольцо с тремя пуговичками и к нему привеску. Последняя величиною в поперечнике 2 1/4 дюйма, с изображением на обеих сторонах птиц (Табл. 47, рис. 5, 6 и 7).

37) В 1838 г. открыта Анненковым, близ Трехсвятительской церкви, глубокая пещера с отдельными ходами, о чем уже было упомянуто (стр. 211). Вблизи Десятинной церкви вырыты два древние колокола (см. стр. 289); а в ограде Михайловского монастыря и вблизи онога найдены следующие предметы:

38) Наперстный крест из коринфской меди, хорошо сохранившийся, с выпуклыми изображениями Святых, по довольно правильному рисунку, с двумя двойными ушками вверху и внизу. Длина без ушков 3, с ушками 3 1/2, ширина 2 1/2 дюйма. Найден в остатках неизвестной церкви, почитаемой за бывшую Св. Димитрия (Табл. 47, рис. 1).

39) Железная древняя цепь и такое же кольцо.

40) Дужка с кольцом для лампы.

41) Древнее копье.

42) Медные орлиные когти, с приметною еще позолотою, бывшие, вероятно, подножием сосуда.

43) Несколько древних кирпичей.

44) Несколько кусков штукатурки с альфреско.

45) Два большие глиняные сосуды (урны) с узким отверстием и следами бывших двух ручек, наполненные прахом и жжеными костями человеческими. Сосуды эти найдены Анненковым в горе, ниже Михайловского монастыря. В 1839 г. при разрытии остатков от церкви Св. Ирины, найдено было несколько незначительных древностей, о чем в § 27.

46) Древнее железное стремя найдено тоже в ограде Михайловского монастыря.

47) В 1845 г. близ Десятинной церкви С. Крыжановский нашел кусок мозаики около 2 1/2 дюймов в квадрате, который, с другими древними вещами в 1852 г. передан в Музей университета (Запис. Археол. общ. Т. VII. СПб, 1856 г. стр. 256).

48) На берегу Днепра найден серебряный с эмалью крест. Длина 2 1/4, ширина 1 5/8 дюйма; красив но не древний (Табл. 47, рис. 3 и 4).

49) В 1846 г. при обделке Михайловской горы, названной теперь Александровскою, вырыт золотой плетеный браслет, особенно любопытен по работе своей, весом в 3/4 фунта, величиною в поперечнике 3 1/2, а толщиной 1/2 дюйма, представляет витую веревку, оканчивающуюся на обоих концах по змеиной голове. Браслет сей представлен Государю Императору (Табл. 47, рис. 8).

50) Другой тогда же и там же найденный браслет серебряный, с принадлежностью; в поперечнике 2 5/8 дюйма, толщиной посередине 1/4, а по концам 1/8 дюйма, имеет витую фигуру с крючками (Табл. 47, рис. 9 и 10).

Многие из упомянутых здесь древних вещей хранятся в Музее университета Св. Владимира, а другие при Десятинной церкви; см. стр. 288.

51) В 1847 г. на Старом Киеве, близ Десятинной церкви, в саду А. Анненкова, в земле, на глубине более двух аршин, найдены следующие древности: две большие золотые серги, две серги поменьше, также золотые и два серебряные запястья. Из этих предметов последние четыре не требуют особого описания; первые же, т. е. две серги, по особенному характеру своему, заслуживают более подробного объяснения. Серги эти имеют вид пустой капсулы, составленной из двух блях, с рейкою между ними, без сомнения назначенною для шнура, который продевался сквозь четыре имеющиеся в ней кольца. Серги подвешивались к уху на крючке, находящемся сверху, и который открывается на шарнире, шнурок же закидывался поверх уха и должен был поддерживать серги, слишком тяжелые без этой поддержки; ибо в одной из них 6 золотников 61 доля, а в другой 6 золотников 30 долей. Обычай носить таким образом серги, подвешенные на кольца и сверх того еще на шнурке, сохранился до нынешнего времени на юге Европы, в Греции и особенно в Калабрии, жители которой удержали до сих пор многие древние обычаи, восходящие до Византийской империи, а может быть и еще древнейшие. На верхней части серег, под упомянутым крючком, имеется отверстие, что и заставляет предполагать, что они, может быть, вместе с тем служили пузырьком для духов. Украшения на сергах не суть финифтяные, какими они представляются с первого взгляда, но состоят из особого рода мастики, втертой в углубления в металле и вделаны грабштихелем. Находящиеся на сергах фигуры птиц довольно часто встречаются в зданиях средневековой постройки и поэтому не представляют ничего особенного; напротив того, весьма замечательны имеющиеся тут же птицы с женскою головою в круге. Мы полагаем, что эти серги — византийской работы и относим их к 10-му или 11-му веку (Ф. Жиль. Запис. Имп. археол. общ. Т. IV. СПб. 1852 г. с. 152).

52) Выше, на стр. 547 (§ 40) мы сказали, что многие места Старого Города и доселе неизследованы с надлежащею точностию. К этому должно присовокупить еще следующее: в нескольких шагах к югу, против Десятинной церкви, на косогоре, находится деревянный дом с садом, принадлежавший строителю этой возобновленной церкви, покойному А.С. Анненкову и перешедший в 1851 г. во владение в надв. сов. Бонифатию Климовичу (Теперь (в 1869 г.) этот дом перешел опять в другие руки, а в 1815 г. он принадлежал секретарю Королеву). Климович вознамерился было произвести в доме своем некоторые починки и переделки. При возведении нового кирпичного фундамента рабочие открыли в июне 1851 г. значительные остатки от древнейших двух стен, состоявших из кирпича и булыжника. Кирпичи были в 6 1/2 верш. длины, 4 3/4 в. ширины и в один верш. толщины; булыжные камни имели длины до 12 верш. Этот строительный материал во многом схож с тем, из которого построены Златые Врата. (При этом считаем нужным заметить, что величина и форма упомянутых выше кирпичей не одинакова с Киево-Софийскими, которые квадратны и имеют 6 вершк. в размере и 3/4 верш. толщины; в

куполе они гораздо меньше). Найденные остатки от древних стен под домом Климовича, находившиеся несколько столетий под землею, были весьма пропитаны сыростью; но окаменевший цемент так крепко связывал кирпичи, что упоминаемые остатки неизвестного древнего строения представляли одну цельную массу и требовали большого усилия, чтобы отделить в целости кирпич от цемента. Из значительных развалин этих домохозяин успел добыть несколько сот целого кирпича, пожертвованного им на постройку так называемого памятника Ирининской церкви (см. выше, стр. 337). В одной из древних стен оказалось углубление или род ниши, заваленной мусором, между которым найдены куски древней мозаики и обломки от альфреско; 6 или 8 серебряных Киевских гривен и половина золотого браслета. Куски мозаики попадались величиною в 1 1/2 вершка. Они состоят из мелких, плотно сложенных камешков, золотого цвета и самого светлого блеска. Сверх того близ стен найдено огромное количество отдельных мозаических камешков. Естественно, что при таких отрывочных исследованиях невозможно решить, какое это было здание. Вероятно и на будущее время могут произойти подобные открытия. В таком случае для изыскателей весьма желательно, чтобы положение упоминаемых древних стен, равно как и место остатков так называемого Федоровского монастыря были тщательно означены на плане Старого Киева. Таким образом со временем мог бы составиться истинный план нашего древнейшего Акрополиса, а не гадательный, какой мы до сих пор имеем, потому что кроме истинного положения Десятинной и Трехсвятительской церквей, положение других, бывших в Андреевском отделении, древних зданий, нам решительно неизвестно.

После этого отступления мы возвращаемся к нашему повествованию. Не только под домом Климовича, но и на всем пространстве принадлежащей ему усадьбы обнаруживаются следы древних построек под землею. Так в саду, около одного дерева, образовалось от осевшей земли углубление. Скопляющаяся во время дождя в этом углублении вода, просачиваясь в землю, производит звук, который дает знать, что она падает в пустое пространство. Сверх того известно, что Климович, при обновлении своей усадьбы, нашел несколько старинных металлических вещей, представленных им в Музей древностей (Извест. Археолог. общ. Т. I. с. 306. — СПб. вед. 1866, № 231). Осенью 1868 г. слышно было, что покойный А. Анненков, производя раскопки на Старом Киеве, приобрел изрядное число древних драгоценных утварей и монет, которые и доселе остаются неизвестны для Публики. Анна Карловна Анненкова, как наследница, предлагала собрание это в Московский музей г-ну Герцу, и в Эрмитаж г-ну Кунику за 25 тысяч рублей, но без успеха.

53) В 1863 г. на кладбище Иорданской церкви, на Плоском (Ср. § 133), в глиняном горшке, найден весьма значительный клад, состоящий из 191 экземпляра арабских монет (собственно серебряных куфических диргемов) 9 и 10 столетий, также из двух серебряных перстней, украшенных разными изображениями, небольшой круглой привески из того же металла, и перегнутого куса тонкой серебряной проволоки, на которую вероятно нанизаны были как упомянутая привеска, так и восемь просверлен-

ных монет из означенных числа 191. Все эти вещи весят 1 фунт 37 золотников и 78 долей. Подробнее об этом кладе см. Древности. Археологич. вестник Московск. археолог. общ. Кн. 3-я 1867 г. стр. 138.

54) По Владимирской улице, подле Десятинной церкви, вдоль ее ограды, начиная от входа под воротами (над коими находится и временная колокольня сея церкви), по направлению к западу, впоследствии распоряжений настоятеля Петра Гороновского, в октябре 1868 г. выкопан ров, шириною в 2 аршина. На глубине 3 аршин от поверхности улицы оказался фундамент узкой стены длиною до 6-ти сажен, складенный из камней фиолетового шифера, залитых древним цементом. На северной стене рва открылась большая масса осколков гранита и упоминаемого шифера, сваленных здесь, как думают, во времена Св. Владимира, когда обсекался камень для постройки Десятинной церкви и готовились плиты для пола той же церкви. Вероятно, отрытый фундамент есть остаток ограды, бывшей вокруг Десятинной церкви. Шиферный камень теперь предназначается на вымощение погоста за алтарем Десятинной церкви (Киев. еп. вед. 1868. № 21. Губ. вед. № 124).

55) Несмотря на младенческое состояние техники в древнем Киеве, известные барельефы в Печерском и Михайловском монастырях представляют собою для исследователя важные исторические свидетельства, по которым можно судить о степени развития вкуса, о технических приемах в рисовании, скульптуре и зодчестве и об употреблении строительных материалов того времени. Описание этих барельефов см. §§ 40 и 42 стр. 546, 685. Табл. 49 и 50.

56) Так как древние наши летописи, при различных случаях, упоминают о княжеских одеждах (см. выше, с. 24), составляющих для исследователя весьма интересный предмет, то мы решили, в заключение этого параграфа, сказать несколько слов и о древних одеяниях. По возможности собрали мы, на одной (48-й) таблице, в уменьшенном виде, и притом в очерк, несколько самых старинных изображений, по коим, хотя приблизительно, можно судить об одеждах наших древних княжеских родов. Первое место в этом собрании, без сомнения, должна занимать картина, представляющая семейство Великого князя Святослава II Ярославича, княжившего в Киеве от 1073 по 27 декабря 1076 г. С глубоким уважением к дряхлой старине мы не щадили в 1848 г. ни времени, ни трудов на самую тщательную копировку этой картины, чтобы иметь у себя возможное верное Fac-simile, которое предназначаем в Киевский музей древностей. Достопримечательная редкость эта находилась первоначально при известном Святославовом Сборнике, писанном в 1073 г. и хранящемся ныне в Патриаршей ризнице, при коей теперь находится копия, а самый оригинальный в 1848 г. был выставлен в Оружейной Палате. Снимок, впрочем неудачный, сего изображения, сделанный Корнилием Тромониным, был приложен к 7-й части Трудов Общ. истор. и древн. М. 1836 г. и к Достопамятностям Москвы 1843 г. Несколько лучший снимок находится в «Древностях Российского государства». М. 1849 г. Весьма дельно и обстоятельно описывает эту картину К. Калайдович таким образом: «Великий Князь (ум. 1076 г.) представлен идущим впереди, за ним Княгиня, придерживающая правую

рукою меньшого сына Ярослава; за Княгинею Глеб (убитый 1078 г.); по сторонам Княгини одно лицо Олега (ум. 1115 г.) и Романа (убит. 1079 г.); Давид же (упоминаем. 1111 г.) совершенно закрыт Княгинею: видна только одна его шапка. Святослав, Глеб и Ярослав в кафтанах немного ниже колена; кафтан у Святослава зеленый и сверх одного княжеская мантия синяя с красным подбоем, подобная греческой хламиде, застегнутая на правом плече красною запонкою с золотыми отводами; у детей кафтаны темнокрасного цвета с золотым поясом и с такими же по обеим сторонам концами. Воротники, рукава, подол у кафтана Ярослава и края великокняжеской мантии наведены золотом; подол Святослава и Глебова кафтанов красный; сапоги у первого зеленые, у Ярослава красные. Святослав, Княгиня, Глеб и Ярослав имеют лица круглые; у Романа и Олега продолговатые. Святослав и Роман с усами, без бород (не брили ли оные в то время?). На молодых князьях высокие синие шапки с красными наушниками, с зеленоватым подбоем, подобные татарским (половецкие?); на Святославе шапка отличная, не столь высокая, желтоватого цвета с синими наушниками и темнокрасною опушкою; на младенце Ярославе синяя, не очень высокая. Святослав обеими руками держит книгу, покрытую кармазинною краскою, с золотыми краями. На Княгине покрывало; верхняя одежда красного цвета с широкими рукавами, с широкою желтою полосою на подоле и с золотым поясом, башмаки у нее золотые. У младенца Ярослава правая рука положена на грудь, левая поднята; от шеи до пояса протянут золотой борд с тремя поперечными полосами. По сторонам Святослава и Глеба изображены два животные, с поднятыми ушами и крыльями, подобные драконам (грифонам): одно животное у головы Святослава совершенно изгладилось. Над именами князей написано золотом в двух строках: желания сердца моего, Господи, не презри, но приими нас все и помилуй нас.

Это изображение, которому подобного мы не имеем, довольно правильное, судя по времени, сохраняет в течение 795 лет свежесть некоторых красок (кроме того, что большая часть оных стерлась), невзирая на многие веки, тлен и нерадение. Один угол со стороны Глеба совершенно оторван и подклеен пергамином; другая подклейка бумажная подложена вверху, как видно, 1787 г. Самый Изборник Святослава, при коем присоединена сия картина, после Остромирова Евангелия, есть вторая по древности рукопись, из всех доселе известных в землях славянских. Сей Изборник имеет следующее заглавие: Собор от многих отец толкования о неразумных (затруднительных) словах в Евангелии и в Апостоле и в иных книгах, вкратце сложено на память и на готов ответ. (Иоанн, ексарх Болгарский. М. 1824 г. с. 216).

Ревностные исследователи древностей замечают, что иконные изображения Святых князей Владимира, Бориса, Глеба и блаженной княгини Ольги нельзя считать редкостью, но они только что стары, а никак не древни. Это видно как по рисунку надписей, указывающих на 17-е, много что на 16-е столетие, так и по особенностям одежды, напр. отложенным воротником и длинными, узкими рукавами охабня, заменившего древний мятль (корзно, плащ). В 13 веке жизнеописатель Александра Невского говорит о дне 15-го июля, как о дне памяти Св. кн. Владимира. Из месяцесловов, находящихся при книгах Евангельских, из Летописи Несто-

ровой, из слов митрополита Илариона и черноризца Иакова видим мы, что упоминаемые князья были уже в 12-м веке; а может быть и раньше, причтены к лику святых. Все это дает нам повод думать, что тогда же существовали и современные рисунки (Подлинники) этих угодников Божих; но из древности — сколько доселе известно — ничего не дошло до нас, и мы должны довольствоваться позднейшими изображениями.

На *табл. 48-й*, рис. 2-й представляет изображение Св. князей Владимира с сыновьями Борисом и Глебом. Оно скопировано г. Срезневским со старинного изображения, находящегося на стене в церкви Св. Феодора стратилата, на Торговой стороне в Новгороде. По разысканиям автора, церковь эта сооружена во второй половине 14-го века, теперь же за ветхостью упразднена и стоит пустая. По стенам этого ветхого храма сохранилась старинная разрисовка, полинялая, отсырелая, но все еще видная настолько, что можно понять и общий характер живописи и некоторые частности. Особенно достойны изучения те изображения, кои представляют лики святых князей русских древнейшего времени. Св. Владимир, Борис и Глеб изображены в ряд стоящими. Все трое в древних княжеских одеждах, с сиянием вокруг главы. В середине Кн. Владимир, седобородый старик, несколько повыше детей, на круглом подножии, с крестом в правой руке, с приподнятою левою рукою. По левую руку от князя Владимира стоит юный кн. Глеб, тоже с крестом в правой руке и с мечем в опущенной левой. Направо от Кн. Владимира — кн. Борис; но его лик очень испорчен; не видно ни лица, ни груди, ни рук: все это замазано известью. Вверху над ликами князей представлен Спаситель с распростертыми над ними руками.

На старинных иконах блаженная Ольга изображена стоящею со сложенными на груди руками в изукрашенной шапочке или в короне, надетой поверх покрывала, в длинном, подпоясанном платье, украшенном вдоль подола золотым позументом, а иногда и с двойной накладкой по всему переду от шеи до подола, с широкими рукавами. Плечи Великой Княгини покрыты богатым ожерельем, а иногда широким плащом. Почти такое же изображение Св. Ольги находится и в Новгородской церкви Св. Феодора стратилата, к сожалению очень полинялое и попорченное. Св. Ольга, как и в изображении Св. Владимира, стоит на круглом подножии; на голове ее, окруженной сиянием, покрывало, опускающееся к плечам, а сверх покрывала довольно высокая, круглая, изукрашенная шапочка с околышем. Несмотря на испорченный позднейшею штукатуркою рисунок, руки, кажется, сложены на груди. На княгине довольно длинное платье с накладкою по подолу; поверх платья накинут плащ. Ноги в сапожках. См. Рис. 3.

Далее сообщаем мы изображение Св. Кн. Владимира из Сильвестровского списка 14-го века, содержащего сказание о Св. мучениках Борисе и Глебе. Владимир изображен сидящим на седалище, вроде кресла; пред стоящим Кн. Борисом и его дружиной, с приподнятою правой рукой, как бы на что указывающей. Головы обоих князей в сиянии. Оба князья в одинаковых одеждах: в красных плащах, в длинных, подпоясанных зеленого цвета кафтанах, с золотою накладкою по подолу и с узкими рукавами, в черных сапогах. У Кн. Владимира довольно большая седая борода. См. Рис. 4.

К этой старине не излишним почитаем присовокупить несколько копий с тех изображений Св. Ольги, кои находятся при так называемом Радзивилловском или Кенигсбергском списке Летописи 15-го века. На всех этих рисунках Св. Ольга представлена почти одинаково. На голове у нее белое покрывало, поверх коего зеленая шапочка с золотым (желтым) околышем. Плащ красного цвета, приподнятый на руки. Под плащом широкое платье зеленого цвета с золотой накладкой по подолу; на ногах сапожки черные. Рис. 5-й изображает представление послов древлянских. Рис. 6-й относится к словам Летописи: «и власть (царь) ей дары многи, злато и серебро» и проч. Рис. 7-й представляет Ольгу, молящуюся за сына и за людей «по вся дни и нощи». На Рис. 8 изображено возвращение Кн. Святослава I в Киев и свидание его с матерью. Подробнее см. И. Срезневского: О древних изображениях В. Кн. Владимира и В. Кн. Ольги. Археологич. вестник. Москва. Кн. 1-я. 1867 г.

На некоторых Киево-Софийских фресках можно видеть древние изображения рыцарей, охотников, конюших, музыкантов и даже акробатов, о чем подробнее сказано в § 25, Софийский собор.

Наконец, на Рис. 9-м представлена уменьшенная копия любопытной гравюры на дереве работы Киево-Печерского резчика Илии. Гравюра эта, изображающая Святых Князей Бориса и Глеба, помещена, между прочими, при книге *Teraturhima*, сочиненной Печерским монахом Афанасием Кальнофойским и напечатанной в типографии Киевской Лавры в 1638 г. Хотя рисунок этот принадлежит 17-му веку, но видно, что художник руководствовался старинными Подлинниками, от которых позднейшие живописцы совершенно отступили.

СТАТТІ ДЛЯ ЖУРНАЛУ «ОСНОВА» (1861—1862), заборонені цензурою

Віктор ДУДКО

Вступна стаття, публікація, коментарі

Майже вісімдесят років тому В. Міяковський писав (не подаючи жодної аргументації), що «книжки «Основи» виходили з друку покаліченими цензурою»¹. Проте тридцятьма роками пізніше, спеціально розглядаючи цю проблему, він висловився значно стриманіше, фактично «знімаючи» цитоване принагідне зауваження: «На жаль, цензурної історії «Основи» не вивчено зовсім, і ми не маємо змоги з'ясувати, в якій мірі В. Білозерському пощастило здійснити плани щодо змісту поодиноких чисел журналу»².

Дослідження цензурної історії «Основи» ускладнюється об'єктивними чинниками: журнали Санкт-Петербурзького цензурного комітету за 1861—1862 рр. не збереглися³, основна частина архіву видання якщо не втрачена остаточно, то принаймні досі не розшукана. З огляду на це особливого значення набуває проблема джерельного забезпечення студій. Надзвичайно цінний архівний матеріал до теми подав сам В. Міяковський у цитованій статті 1948 р. (правда, практично незнаній в Україні, оскільки вона з'явилася друком у малотиражному